

Сергей Шоргин

ВОРОЖБА

*Избранные
поэтические
переводы*

ВОЛОДКО ПУБЛИШЕРС
МОСКВА — 2005

УДК 821.11/134-14
ББК 84(4)-5
Ш79

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель!

В оформлении обложки использована картина М.Чюрлёниса
«Зима. I» (Žiema. I)
Литературный редактор *И. Майгурова*

Ш79 Шоргин С. Ворожба: Избранные поэтические переводы. —
М.: Водолей Publishers, 2005. — 144 с.

ISBN 5-902312-54-X
Аннотации нет!

УДК 821.11/134-14
ББК 84(4)-5

ISBN 5 – 902312 – 54 – X

© С. Я. Шоргин, 2005
© Е. В. Витковский,
послесловие 2005
© Водолей Publishers, 2005

Я собрал в этой книге значительную часть переводов, выплненных мной начиная с 2001 года. Замечу, что основная часть переводов появилась после марта 2003 года (интернетное знакомство с Евгением Владимировичем Витковским). Подробнее об этом написано в послесловии, написанном Е. В. Витковским.

Я постарался представить в книге всех или почти всех поэтов, которых я перевел и наиболее широко — тех, которых я перевел больше всего: Р. Сервиса и Б. Лесьмяна. Я много перевел также К. Галчинского, но в этой книге он представлен более «скромно», поскольку многие мои переводы из Галчинского уже опубликованы в сборнике «Фарландия, или Путешествие в Темноград» и в моей будущей книге «Игры слов». Я не включил в новую книгу также некоторые переводы из Агнешки Осенкой, Ивана Франко и Леси Украинки и большую часть переводов Лиммериков Эдварда Лира (всё это было опубликовано в «Играх слов»).

Название «Ворожба» дано по стихотворению Болеслава Лесьмяна, перевод которого вы найдете на страницах книги. Для меня поэтический перевод — это всегда какое-то чудо, и даже чуть-чуть колдовство, ворожба...

Эту книгу, как и всё, что я делал, я посвящаю своей жене Ирине.

Я выражаю глубокую благодарность людям, без которых эта книга не состоялась бы: Евгению Витковскому, Евгению Канищевой и Ирине Майгуровой, а также людям, без которых эта книга заведомо была бы хуже: Александре Петровой, Ирине Поляковой, Василию Бетаки, другим участникам семинара «Век перевода», Павлу Гольдину, Михаилу Сахарову и многим другим.

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ДЖОРДЖ? ПИЛ
(1558? — 1597?)

***

Посеребрился люкон золотой;
О время, ты спешишь неумолимо,
Борьба с тобой останется тпестой,
И молодость, увь, проходит мимо.
Цветок красы не расцветает вновь,
Не вынут корни — вера, долг, любовь.

В жгигище пчегл преображен шеглом,
Молитва стала частью солдат,
И слышится торжественный псалом
Взамен сонетов, певшихся когуда-то.
О, дал Господь безрешные сердца
Тем, кто попал в деревню из дворца!

Простых людей из ближнего села
Он учит в скромной комнате своей:
Кто королеву любит — тем хвала,
Проклятые тем, кто зла желает ей.
Богиня, не препятствуй сей мольбе:
Он был твой рыцарь и служил тебе!

УИЛЬЯМ ФАУЛЕР
(1560 — 1612)

НА ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВАХ

Край света, мира нашего межа,
Планеты отдаленный уголок!

О горестях скорблю у рубежа —
У скал, где рок суровый недагек;

И, видя моря рвущийся поток,
Что, разбиваясь, пенится у скал,
И в волнах — Фебов тонущий зрачок,
Что с ночью день сегодня уравнил,

Я вспоминаю тот жестокий шквал,
Который вечно в мыслях у меня;
Я угешенья понапрасну ждал —
Ночная боль затмит отраду дня.

Иное море, дальние края —
И неизменна лишь любовь моя.

КЭРР СКРУП
(1649 — 1680)

**ПРОЛОГ К ПЬЕСЕ ДЖ. ЭТЕРИДЖА
«РАБ МОДЫ, ИЛИ СЭР ФОШЛИНГ ФЛАТТЕР»**

С канатоходцем схож поэт любовью:
Один погитб... в опасности другой...
Но беззаботны эти дураки —
На риск они плыют, как игроки.
В восторге от удачи или двух,
Играют вновь — чтоб проиграться в пух.
Их Муза осмотрительна стерва,
Как лева, грех познавшая едва;
Но слава чуть припрет — и идет
Ва-банк неумомонный идиот.
Вы с чистой Музой встретитесь сейчас,
Что так любила — но отвергла вас:
Вы к девкам грязным ходите теперь;
Ей стыдно поступаться в вашу дверь.
К уму и правде тяги больше нет,
И вас влекут кривляния и бред.

Не странно ли? Уверен, что ничуть:
 Таким мозгам близка такая суть.
 Пока наряды, танцы нам нужны
 Лишь те, что из французской стороны, —
 Как вы, все прессы будут немудны.
 Зачем из-за границы хлам везут,
 Когда его полным-полно и тут?
 Поскольку глуповаты времена,
 Нам ваша глупость, словно хлеб, нужна!
 От пахоты страдая ежегодной,
 Земли пребудет все же плодородной,
 Покуда к вам в роскошные дома
 Везут так много всякого дерьма.
 Не выживет актерская игра
 Без вас — как без болезней доктора:
 Коль новая зараза к нам придет —
 У докторов поднимется доход;
 Вот так и ваша глупость позарез
 Нужна нам — для создания новых прес.
 Прошу — не дуйтесь в зале от досады,
 Увидев то, чему вы дома рады.
 Как собственную рожу не любить?
 Здесь — зеркало. Прошу его не бить.

ДЖОРДЖ АДДИСОН
 (1672—1719)

ГИМН

Все то, что видим над собой:
 И свод небесный голубой,
 И звезд блестящих чудный вид,—
 Нам о Создателе твердит.
 Неумоимо, без конца
 Вешает Солнце про Творца —
 Чтоб знали люди все вокруг
 Про дело Всемогущих рук.

Когда земля в объятьях сна —
 О чудесах поет Луна:
 Она ведет в полночный час
 О сотворении расказ,
 А звезд небесных чудный строй
 И всех планет подвижный рой
 Кивают вслед ее речам,
 Чтоб правду знали тут и там.
 Что из того, что их полет
 В тиши торжественной идет?
 Что из того, что средь орбит
 Их речь на деле не звучит?
 Наш Разум слышит этот глас —
 Он вечен, радостен для нас;
 Они сиянием гласят:
 «Создатель наш — велик и свят!»

АЛЛАН РЭМСИ
 (1684/5/6—1758)

ОДА В ПАМЯТЬ СЭРА ИСААКА НЬЮТОНА, АДРЕСОВАННАЯ ЛОНДОНСКОМУ КОРОЛЕВСКОМУ ОБЩЕСТВУ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Он умер — слава не умрет,
 Она пребудет навсегда;
 Благословен да будет Тот,
 Кто присылал его сюда.
 Сэр Исаак небес Достиг,
 Лучистых сфер он видит свет,
 И больше познает за мил,
 Чем здесь за восемьдесят лет, —
 Хотя с ним никто не сможет впреде
 Сравниться до конца времен,

Пути планет, как он, прозреть,
Возвысить знания, как он.

Теперь предмет его труда —
Все звезды Млечного Пути,
И те, что нам видны всегда,
И те, что не видны почти.

Занятий много под луной —
И всякий ведает свое;
Но нет науки ни одной,
Чтоб Ньютон не постиг ее.

Был прозорлив — и до глубин
Вселенских тайн добрался он;
Из прочих не был ни один
Так в эти тайны погружен.

Востока, Запада сыны,
Ведомы компасом, плывут,
Почтенья к Ньютону полны —
И славу Ньютону поют.

Он — путеводная звезда;
Дне полз другой — там он парил,
В нем спеси не было следа,
Хоть всяк его боготворил.

Он избегал заумных слов
(От них — раздор и неладь),
Наглядно показать готов
Был знаний подлинных плоды.

Гордись, великий Альбион!
Твой сын во многом преуспел:
И сотворил немало он,
И завершил немало дел.

О вы, в чьей памяти свежи
Труды Рассеявшего Тьму!
Прощу, ученые мужи,
Воздвигнуть памятник ему!

Но крепче бронзы, и камней,
И слов, что Муза мне дала,
Пребудут до скончания дней
Его и имя, и дела.

Пусть ныне мир ученый ждет,
Чтоб Ньютон будущий возник:
Науки с неба он сведет,
Дарует тем, кто ныне дик, —

Чтоб не терзала на Земле
Народы больше темнота,
Чтоб людям не бродить во мгле,
Чтоб всяк уверовал в Христа.

РИЧАРД БРИНСЛИ ШЕРИДАН
(1751—1816)

***

Я вас щадил бы, даже будь
Я воплощением зла;
И ваша прелесть бы вернуть
Добру меня смогла.
Пусть к вам не явится беда,
Не оскорбит навет;
Встречайте лишь друзей — всегда,
Любимых — в цвете лет.

Любовь отдайте одному —
Другой да будет рад,

Пусть не печалится тому,
Вам станет словно брат.
Пускай ни ужас, ни беда,
Вас не коснутся, нет;
Встречайте лишь друзей — всегда,
Любимых — в цвете лет.

***

Если есть у вас дочь, то познать не дано
Вам покой — хоть жену схоронили давно;
Ей двадцать, твердит: «Я большая — и точка!»
Что за чума — непослушная дочка!
Вздохая, ругая,
Терпко и страдая;
Ну что за чума — непослушная дочка!

Едва подрастет — беспокоить вас рада:
Поклонники, письма... Такая досада!
А богатый жених ей противен весьма;
Непослушная дочка — такая чума!
Рыдает, ворчит,
Визжит и пицтит;
Непослушная дочка — и вправду чума!

РОБЕРТ САУТИ
(1774—1849)

КОРОЛЬ ГЕНРИХ V И ОТПЕЛЬНИК ИЗ ДРЕ

Он шел по стану без помех,
Всевышнего хвали;
Солдаты кланялись ему,
Благословить моли;
И вот Отпельник подошел
К палатке короля.

В ней Генрих Пятый размышлял
Над картой в тишине,
Готова новую напасть
Французской стороне.

Вошел Отпельник к королю,
Отвлек его от дел;
Но все ж с почтением король
На старца поглядел;
Пришелец сжог был со святым,
Но взор — суров и смел.

«Покайся, Генрих, в злых делах,
Творимых в сей стране!
Иль ждет тебя суровый суд,
И срок известен мне!

Я сорок лет у речки Блез
Молитвы возносил;
На склоне лет лавину зла
Мне видеть нету сил!

На белый парус поглядеть
Когда-то был я рад:
Везли провизию суда
По речке в мирный град.

Нет боле белых парусов!
Ты — взыв и Мор, и Влад,
И Смерть в союзники — решили
Разрушить мирный град.

Я голос путника слышал
Здесь прежде — и напев
Идущих вечером с полей
В свою деревню дев.

Не слышно путника давно —
Бежит он в страхе прочь;

А девы плачут, и никто
Не может им помочь.

Роботов я видел, что в челнах
Слускались по реке,
И с лодок чудный звук виол
Был слышен вдалеке.

Теперь — лишь трупы на реке
Плывущие видны!
Палач, покайся! Отступи
От городской стены!»

Король воскликнул: «Отступать
Не стану — так и знай!
Не видишь разве: мне Господь
Вручил сей славный край!»

Отшельник очи опустил
При звуке этих слов...
Был кроток у пришельца взор,
Упрек его — суров.

«Мнишь: за кровавые дела
Не подлежишь суду,
Раз не вмешались небеса,
Чтоб прекратить беду?»

Покайся нынче же, злодей,
Иль скорой кары жди!
Мое ты слово услышал,
А дело — вперед!»

Отшельник вышел — а король
Лишь рот скривил слегка;
Но скоро, в свой последний час,
Он вспомнил старика.

УИПТРОП МАКУОРД ПРАД
(1802 — 1839)

ВИКАРИЙ

Приход был тихим в те года
(Вы это помните едва ли),
Был чащей Дарнет-Парк тогда —
Здесь просек, как динги, не знали;
В глуши, под сенью здешних крон,
Тут не один искал дорогу,
Но каждый путник был спасен
И каждый приведен к порогу.

Калитки отперев запор,
Вела служанка Маргарита
Беднягу через тихий двор,
Свяозь зеленъ мирта и самшита.
А Дон и Санчо, Дик и Гай
Вылили с лестницы хвостами,
И означал их дружный лай:
«Как рад хозяин встрече с вами!»

Жил преподобный Браун тут,
Навстречу гостю он, бывало,
Вставал, захопнув скучный труд;
Хозяйка от питья вставала.
Святой и сбившийся с пути,
Индус и тот, чей Бог неведом, —
Всяк стоймо мог коню найти,
Себе — уют найти с обедом.

И если гость, покинув дом
И вновь пускаясь в тьму скитаний,
Не смог в уютном доме том
Ни друга обрести, ни знаний
(Про выбор правильный вина,
Про массу всяческих безделий) —

То не усадьбы в том вина,
И ни при чем домовладельец.

Был говорлив он, как ручей,
Меняла речь его теченье:
За Магометом — Моисей,
За анекдотом — изреченье;
Вслед изложеною идеей
Про то, как движутся планеты, —
Рассказ про ковку лошадей
И то, как жарятся котлеты.

Когда, возвышен и не тих,
Похож на древнего пророка,
Он, подыскав главу и стих,
Хвалил или хулил жестоко, —
Был у багписта скучный вид,
Деист в окно глядел, зевая,
И в спальню уходил левит,
Бекон на завтрак предвкушая.

Он речь с амвона прерывал,
Что было пастовою ценимо,
И делал на пути привал
(На долгом — от Иеронима).
Прекрасна проповедь его!
(Кому в ней было все понятно —
Таких навряд ли большинство,
Но все же были, вероятно).

Он много разного умел:
Писал трактаты и сонеты,
Статьи про глину и про мед,
И лордам посылал советы.
Писал про приходской потос,
Где призрак бродит неизменно,
Писал заметки в «Морнинг Пост»
(Но не в «Журнал для джентльмена»).

Хоть не мирился с озорством,
Но сам шутил порой — и метко;
Хоть благонравен был во всем,
Но с трубкой расставался редко.
Хоть осуждал сектантов он,
Но не любил крутую меру;
И говорил, что не резон
Лечить костром дурную веру.

Он был в общине королем,
Всем прихожанам рад и нужен;
Благословляли и сытый дом,
И вдовий небогатый ужин.
И исчезали боль и страх,
Лишь только он промолвит слово:
И появилась на губах
Улыбка даже у больного.

Он помогал мне, школяру,
И в математике, и в чтенье,
Учил играть меня в игру —
«Кроватки кошкиной» плетенье.
А я поджег у старика
Парик — ужасная картина! —
И научил скрутить щенка
При звуке фраз из Августина.

Деревню не узнать сейчас...
Где дуг? Куда ручей сокрылся?
Мест не найти былых проказ,
Пнезд птвичих нет, в которых рылся.
И перестроен старый храм:
Богаче прежнего убранство,
Не тесно прихожанам там
И есть скамейки для дворянства.

А вот викария скамья...
И будто слышится с амвона

Речь, что навек запомнил я, —
 Речь, что достойна Циперона.
 А где викарий погребен?
 Взгляни — в углу плита с ответом:
 «Отец Вильгельмус Браун. Он
 Без лавров жил на свете этом».

ЭДВАРД ЛИР
 (1812-1888)

***

Подбородок арфистки «Да Скала» —
 Острый, вроде осиноного жала:
 Загочив эту часть,
 Дама долго и власть
 Подбородком на арфе играла.

Есть девица (откуда — найдти!),
 В голове у нее бигуди;
 Очень любит кисель:
 Съела газик досель,
 А кастрюлю еще впереди!

Старикашка из города Вены
 Пил обычно настойку из сенны,
 А по средам из чашки
 Пил настойку ромашки
 Старикашка противный из Вены.

Некий мистер составил меню:
 «Придцать кроликов съем я на дню!»
 Но семнадцатый кролик
 Стаг причиною колпик;
 Нынче мистер меняет меню.

Черный ворон и парень из Турку
 Танцевали однажды мазурку.
 Все кричат: «Невестоме!
 Танец с птицей — позор!» —
 И отшлепали парня из Турку...

Старик, проживавший в Дадли,
 Посажен, и выпустят вряд ли:
 Он спер поросят,
 Пальто и халат —
 Паршивый ворога из Дадли.

ТОМАС БЭРБИДЖ
 (1816—1892)

ОБЩЕНИЕ БЕЗ СЛОВ

Давай слова оставим, наконец;
 В пустых речах они звучат у нас!
 К чему слова при разговоре глаз?
 Да, есть иные звуки у сердец,

Кто их в словах изложит — будет жец.
 В согласном свете звезд в полночный час,
 В единстве нот и музыкальных фраз,
 Двляюшем гармонии венец,

И в запахах смешении — готов
 Пример для единенья навсегда.
 Хочу, чтоб мы к слиянью путь нашли!

Союз сердец, общение без слов —
 Сильней границ и символов земли;
 Изменит все — иль спинет без следа.

ОНА СВЕЛА МЕНЯ С УМА

Она свела
 Меня с ума; и не пойму,
 Когда я был сражен стрелой,
 Но рад недугу своему.
 По склону вниз, всё вниз скользжу; блажен, —
 О, этот склон!
 В ромашках он, как гобелен,
 В нарциссах желтых он.

А вслед, а вслед — по скалам спуск крутой:
 Он сладостен — но нет трудней пути;
 Кровь на ногах.. С дороги той
 Как ноги унести?

СИДНЕЙ ДОБЕЛД
 (1824—1874)

ВЕРНИСЬ!

Вернись ко мне! Горит лампада ночью,
 Подобно ей, и я всю ночь в огне;
 К утру, сторад, вижу я воочию
 Рассвета возвращение в окне.
 Вернись ко мне.
 Растет печаль — а я, как пламя, таю,
 Огонь в душе, душа моя в огне;
 Душою, как лампада, я питаю
 Печальный свет — маяк в моем окне.
 Вернись ко мне.

Когда подует ветер на закат,
 Дрожу с огнем лампады наравне,
 Горюю вместе с ним, когда летит

Надежд последних бабочки извне —
 Они горят, горят в огне.
 Вернись ко мне.

Сторю дотла среди ночной тиши,
 Душа в огне очистится вполне,
 И свет моей пылающей души
 Увидишь ты в далекой стороне
 И возвратишься из любой тьмы,
 Из-за морей ты путь найдешь ко мне.
 Вернись ко мне.

Вернись ко мне! В негаснущем огне
 Я вижу две воздетые руки,
 Моленья возносящие двоямне
 К безжалостного неба тьмине;
 Их вяжет утро, путает в силки,
 Они бледнеют по его вине,
 Хотя все еще зовут: вернись ко мне.
 Пусть пламя все бледнее — пустыки:
 Оно, и угасая в новом дне,
 Тебя зовет, зовет: вернись ко мне;
 Поблекший пламень просит в полусне:
 Вернись ко мне.

Вернись скорей! Иль пламени найти
 Не сможешь ты в лампаде на окне;
 Ты, свет увидев в дальней стороне,
 Сюда сумнешь, может быть, прийти,
 Но будет пусто в комнате — прости;
 Ты слишком поздно явишься ко мне!
 Здесь будет дым, исчезнувший почти,
 Дух пламени, застывший в мертвом сне,
 И прах, почти забытый об огне, —
 Огне, что долго звал тебя ко мне,
 Огне, что путь показывал ко мне,
 Огне, угасшем по твоей вине.
 Вернись ко мне.

ЛЮИС КЭРРОЛЛ
(1832—1898)

ОХОТА НА СНАРКА
Тонение в восьми водах

Вой нервов. Высадка

«Чую Снарка! На берег людей и багаж!»
Сликер, вида высокий прибор,
Снес на берег за волосы весь экипаж —
Благо, лысых не взял он с собой.

«Чую Снарка! — тупым я вторично скажу,
Пусть любой будет смел и силен.
Чую Снарка! — я в чтении третьем твержу:
Что прочитано трижды — закон!»

Был Слуга в экипаже (ну как без Слуги?),
Был Сапожник (ну кем заменить?),
Был Судейский (уж больно законы строги),
И Старьевщик (чтоб вещи хранить),

Был Стервец еще — шулер с десятком колод,
(И тузов в каждой — минимум пять),
Но все деньги команды хранил Счетовод,
Чтоб никто их не смог проиграть.

Был Сурок: он часами с шарманкой бродил,
Иль сидел, вышивая кисет,
«Он спасает нас, — Сликер команде твердил. —
Как же именно? Это секрет!»

Был еще один. Зонттик, часы, и припом
Портсигаров и курток вагон —
Все, что нажил почти непосильным трудом, —
Все оставил на пристани он.

Он собрал, уложил, написал сорок пять
Чемоданов, картонок, корзин,
Но забыл при погрузке об этом сказать —
Без особо заметных причин.

Он потерю вещей перенес без труда
(Семь дубленок на нем, и белье,
И ботинок три пары). Но вот же беда —
Он забыл также ими свое.

Откликнулся на крик «Поддать, золотой?»,
«Гражданин!» или «Эй, твою мать!»,
На слова «Не курить», «Под стрелюю не стой»
И «Моя не совсем понимать».

По-другому решалась проблема сия
Среди очень немногих числом:
Называли его *чебурашкой* друзья,
А врати называли козлом.

«Он хромой и кривой, и пуста голова, —
Сликер так отзывался порой, —
Но зато он гораздо отважннее льва!
Очень нужен на Снарка герой!»

Он тиен успокаивал взглядом не раз,
Ковыряя при этом в носу,
И с медведем пускался по праздникам в пляс,
Чтобы весело было в лесу.

Он был нанят в Стюарды, чтоб рыбу и дичь
Подавать; но признался в пути,
Что сумеет подать лишь пасхальный кулич,
А кулич на борту не найти.

А последний из них... — Ну так чья же вина,
В том, что был это полный дебил?
Мысль была у него — но всего лишь одна:
«Я бы Снарка с охотой убил».

Он был нанят в Стрелки — но от прочих Стрелков
 Отличал его низменный нрав:
 Убивал он умел, но — одних лишь Сурков,
 Спикер вздрогнул, об этом узнав,
 И воскликнул: «В Сурка не стреляйте, о неч!
 Он мне дорог! В морозы и зной
 Я по странам разным бродил много лет,
 И Сурок был все время со мной!»
 А когда услышал об угрозе Сурок —
 Горьких слез заструилась река.
 «О, какой я дурак... О, кошмарный урок...
 Вот так день, понимаешь, Сурка!»
 Предложили: «Еще один купим корвет,
 Пусть Стрелок путешествует там!»
 Спикер речь произнес: «Это — глупый совет,
 Я ломать свои планы не дам!»
 Я обучен водить только судно одно:
 Колокольчик-то, гляньте, один!
 Будут два корабля — оба лягут на дно...
 Я здесь шкипер, и я не кретин!»
 А Старард предложил: пусть несчастливы Сурок
 Раздобудет жилет броневой
 И прибежит к защите на длительный срок —
 Той, что полис дает страховой.
 Оказался на судне у них Страхагент —
 Им, естественно, был Счетовод,
 Он Сурку две страховки оформил в момент:
 От пожара, а также — от вод.
 Но, однако, Сурок этот день не забыл,
 И с тех пор невезучий Сурок
 Очень тих и уныл, к сожалению, был,
 Если рядом встречался Стрелок.

Вой второй. Доклад спикера

Спикер был для команды любимым вождем
 (Важный вид! Благородство лица!),
 И давно уже все догадались о том,
 Что мудрей не найти мудреца.
 Приобрел он прекрасную карту морей:
 Только море, ни пяди земли!
 Было целью его, чтоб мапросы скорей
 Эту карту освоить смогли.
 Он сказал: «Картография — это подлая мафия:
 Чтобы повысить объемы продаж,
 Нам рисуют Меркаторы полюса и экваторы...»
 «Не обмануть! — сказал экипаж. —
 Да, их карты красивы, там есть горы, заливы,
 Острова и другие места;
 Но — ура капитану! — в нашей карте обману
 Не найти, ибо карта чиста!»
 Вся команда плясала... Только жизнь показала,
 Что не все было гладко в пути:
 И затихли овации: кэп не знал навигации,
 А умел лишь звоночком трясги.
 Капитана приказ был неясен подчас,
 Исполнялся весьма тяжело;
 Вот пример лишь один: «Руль направо, кретин,
 Но чтоб судно налево пошло!»
 Был с гальюном компас перепутан не раз;
 Так бывает (патрон произнес),
 Если дует борей среди южных морей,
 А на судне — всеобщий *сидрокс*.
 И никто не зубрил установку ветрил:
 Что же делать и кто виноват,

Если ждали: пройдет судно мимо вперед,
А оно — на две мили назад?

Все же кончен поход, и разгружен комод;
И глядели матросы в тоске:
На пути их зиял за провалом провал —
И близзости, и вдальке.

Чтоб команде своей настроенье поднять,
Рассказал капитан анекдот
(Бородатый, известный под номером пять) —
Но тошнило народ от острога.

Что же Спикер? Он, всем по стакану налив,
Дабы бодрости обшей достичь,
Величав и умен, густобров и красив,
Зачитал замечательный спич.

«О товарищи! Братья и сестры! Я к вам
Обращаюсь сегодня, друзья!»
(Все «ура» закричали — не столько словам,
Сколько дозе повторной питья).

«Много месяцев были мы с вами в пути
(По четыре недели в лубом),
Но вот Снарка нигде не сумели найти,
Чтобы взять его подпись в альбом!»

Мы в пути были с вами немало недель
(Дней по семь я в неделе сочту),
Не смогли только Снарка увидеть досель
Ни близзости, ни за версту!

И теперь я хочу вам, друзья, преподать
Снаркологию главный итог:
Верных признаков Снарка отыскано пять,
Чтоб никто ошибиться не мог.

Снарк, во-первых, на вкус — на галеты похож,
И во рту он скрипит, и в пути,
Как ремни из козлиных окрашенных кож,
Да и запаха — козлиный почти.

Спит он долго, но в этом не видит вины,
И привычка его нехитра:
Кофе утренний пьет при восходе луны,
А с обедом он ждет до утра.

В-третьих — помните! — голову сразу свет
Он в песок, анекдот услышав,
И неспешен весьма в пониманьи острога —
Так, что с ним не сравнится жирафа!

Рядом с ним — совмещенный вагон-туалет
(Унитаз там, и душ заодно).
Ничего в сей привычке хорошего нет —
Так мне кажется очень давно.

Ну а пятое — тонор! Как шляхтич упрямя!
Злоба светится в добрых глазах!
Снарки разные есть; могут встретиться нам
Быки-6-Перьях и *Буки-6-Усам*.

Снарк простой не страшней, чем обычный трамвай,
Но случается: на миллиард
Мирных Снарков один попадется *Бабий...*»
Тако в обморок рухнул Стюарт!

Вой третий. Повесть Стюарда

Пирожки были пущены в дело и лед,
Редька с хреном, китайский салат,
И советы юриста, кроссворды, компот, —
Чтоб скорее очнулся собрат.

И случилось! Он сел, чтобы повесть свою
 Им поведать, ничуть не темня.
 Спикер молвил: «Я слово Стоарду даю!»,
 Колокольчиком нервно звоня.

Люди замерли вмиг! Что там рев или крик —
 Никаких разговоров в строю!
 Тот, кто звался «Этей!», повесть временных дней
 По-старинному начал свою.

«Жили-были старик со старухой — мои
 Папа с мамой...» — «Зачин пропусти! —
 (Спикер зол был весьма). — Опускается тьма!
 В темноте — как нам Снарка найти?»

«Пропускаю, патрон, — плача, вымогнул он, —
 Сорок лег пропускаю! И вот
 Перейду я к моменту погружки — когда
 Мы за Снарком пустились в поход.

Честных правил мой дядя сказал мне: « „Прости...“
 И обнял на прощанье меня...»
 Спикер крикнул: «И дядю скорей пропусти!»,
 Колокольчиком злобно звоня.

Игнорируя крик, тот продолжил: «Старик
 Мне про Снарков рассказывал так:
 „Снарк при варке готов через пару часов,
 Снарком можно разжечь и очал.

На охоту бери и терпенье, и боги,
 Захвати и надежду, и джем,
 Применить против Снарка полезно дефолт,
 Добрый взгляд и питательный крем...»

(«Так и надобно Снарка ловить! — заорал
 В отступленья лирическом кэп. —
 В старых книгах я тот же рецепт отыскал:
 Он полезен, поскольку нелет!»)

«Но, блестящий племянник, наступит беда,
 Если Снарк этот будет — Бабай,
 Ты без шума и пыли исчезнешь тогда,
 Словно утренний сон, так и знай!»

Оттого, потому я сижу не дыша,
 Ожидаю ужасный конец;
 И в душе холодок, и трясется душа,
 Как из ножек свиных холодец!

Оттого, потому...» — «Ничего не пойму! —
 Молвил Спикер. — Не хнычь и не трусь!»
 «Нет, позвольте мне трижды сказать самому:
 Оттого, потому я боюсь!

Я во сне оттого часто вижу его,
 Вижу Снарка в кошмарных ночах,
 С ним во сне говорю, и его я варю,
 Разжигая злодеем очал.

Но уверен вполне, что наступит беда,
 Если встречу Бабай в пути;
 Я без шума и пыли исчезну тогда —
 Так, что после нигде не найти!»

Вой четвертый. Перед охотой

Запорелся *серди́ко* у Спикера глаз:
 «Что ж молчал ты доселе, ответь!
 И сказал только нынче, когда через час
 Мы в виду будем Снарка иметь?»

Коль исчезнешь — беда! Мы заплачем тогда...
 Но зачем (это важный нюанс!)
 Ты скрывал этот факт, заключая контракт,
 Подучая к тому же аванс?

Я никак не пойму — ты молчал почему?
 Отвечай же скорее, дебил!»
 Безымянный матрос, заругав, произнес:
 «Я об этом вам всем говорил.

Полагайте убийцей иль психом меня
 (Это с каждым случится молго!),
 Но чтоб так обмануть среди бегого дня —
 Это было бы страшное зло!

Я сказал вам на идиш, припомнил иврит
 И латиню, и сто языков,
 Но забыл, что отряд не на них говорит,
 Что родной ваш язык — не таков».

Спикер молвил: «Мы слышали грустную весть,
 Мы историко знаем твою.
 И пора нам, когда объяснение есть,
 Прекратить разговоры в строю.

Свой доклад я бы позже хотел продолжить —
 Если времени найдется у нас.
 Снарк почти что в виду, повторю я опять,
 И поймать его — долг ваш сейчас!

На охоту терпенье захватим и болт
 И надежду захватим, и джем,
 Применить против Снарка сумеем дефолт,
 Добрый взгляд и питательный крем.

Враг силен! Надо нам совершить, господа,
 Все, что можно, — хоть это и сложно.
 Ну а если захочется очень — тогда
 Что нельзя, тоже сделать возможно.

Ибо кто к нам с мечом... — я закончу на том
 (Всеи известна цитата сия).
 Снаряжайтесь к сраженью! На сборы потом
 И минуты не будет, друзья!»

Тут же выписал счет деловой Счетовод
 (Кстати, сумма была велика),
 А Стюард свой парик причесал и подстрил,
 После — пыль отряхнул с пиджака.

А Слуга со Старьевщиком меч-кладенец
 Двусторонний точили умело.
 Лишь Сурок продолжал выпиванье, подлец,
 Игнорируя общее дело.

Осуждая злодейский сей обычай, Судейский
 К разгильдяю составил воззванье
 И представил примеры, в коих вышние меры
 Были карою за выпиванье.

Был сапожник свиреп — для фасона сапог
 Он задумывал новую моду,
 А Стервец, хоть дрожал, тем не менее смог
 Нанести свежий крап на колоду.

И Стрелок был нервозен: надел он камзол,
 А к нему — пару желтых лосин.
 Как на званый прием, он на битву пошел!
 (Спикер буркнул на это: «Кретин!»)

Бормотал он: «Меня познакомите с ним?
 Это вам не составит труда!»
 Спикер молвил: «Возможно. Еще поглядим,
 Куда ветер подует тогда...»

Тут Сурок стал *виридыжку* носитья вокрут
 (Видя кислую мину Стрелка);
 Даже глупый Стюард это понял — и выдрут
 Подмигнуть попытался слегка.

На Стрелка поглядев, Спикер крикнул: «Друзья!
 Надо быть посмегле в бою!
 Можем встретить Разбойника мы — Соловья,
 Так что силу копите свою!»

Вой пимий. Урок для Сурка

На охоту терпение взяли и болт,
 Были с ними надежда и джем,
 Против Снарка они применили дэфолт,
 Добрый взгляд и питательный крем.

А Стрелок в это время замыслил набег:
 «В одиночку найду я скотину!»
 И отправился он на неведомый брег,
 И забрел он в глухую долину.

В одиночку на дело пошел и Сурок —
 И наткнулся в пути на Стрелка:
 Но ни жестом, ни знаком не выдал свой шок
 И скрывал, что расстроен слегка.

Каждый думал: «Иду на священную рать,
 Это будет мой главный поход, —
 И поэтому надо поменьше взирать
 На невежу, что рядом идет».

Но долина все у́же и у́же была,
 Ну а ночь — холоднее, мрачнее,
 И они (по случайности, а не со зла)
 Прижались друг к другу теснее.

То ли вой, то ли ор вдруг заполнил простор,
 К ним и в уши, и в души проник.
 И несчастный Сурок задрожал, как листок,
 А Стрелок малость духом поник.

Слыша звук сей, о детстве он вспомнил в тоске,
 О далеких уроках письма —
 Со скрипением мела по черной доске
 Крик раздавшийся схож был весьма!

«То Разбойника голос, то свист Соловья! —
 Вдруг он понял (хоть одухом слыл). —

В первый раз этот факт констатирую я,
 Как наш Спикер порой говорил.

То Разбойника волли, выдать по всему —
 Я вторично об этом твержу!
 Это песнь Соловья! Надо верить тому,
 Что три раза я громко скажу!»

А Сурок вел подсчет с прилежанием — как
 Ревизор, проверяющий кассу.
 Третий возглас, однако, был пагубный знак,
 Он потряс всю Сурковую массу.

Прекрылись немедли важнейший подсчет,
 И хотелось Сурку одного:
 Как бы вспомнить, куда беда не придет,
 Сколько он насчитал до того.

«Де же пальцев набрать, чтоб до трех сосчитать? —
 Зарыдал от бессилия он. —
 А вот в школе, поверь, я — не то что теперь —
 В устном счете был очень силен!»

«Сосчитать это можно, прием без труда,
 Сосчитать это нужно, Сурок!
 И сосчитано будет! Вумагу сюда
 И чернига!» — промолвил Стрелок.

Пару перьев Сурок ему быстро съскал,
 И чернил, и бумаги немало;
 А из нор и с окрестных утесов и скал
 Жизньность местная их наблюдала.

Вдохновенный Стрелок не глядел на зверье;
 Взял по ручке он в каждую руку,
 Поняв Сурку вычисленья свое,
 словно дедушка глупому внуку.

«За основу считаемы мы тройку возьмем
(Двойка хуже была бы, признаться),
Семь прибавим, а сумму умножим потом
На две тысячи минус тринадцать».

Мы добавим потом еще ровно пятьсот
Плюс два раза по сто пятьдесят,
А потом на троих все разделим — и вот
Вышел верный у нас результат».

Повторить? Ты не понял? Да ты — туподум!
Иль расчеты проспал, как сурок...
Где мне время найти? Где найти тебе ум?
Впрочем, ладно; продолжим урок

Скрытых временем дел я секреты прозрел;
До чего же слепы теоретики!
Изложу тебе суть (и не вдумай заснуть!)
Политической зоогеистики!»

И занудный рассказ он продолжил тогда,
Не имея к Суркунисхождению
(Хоть подобная ария, если нет комментария,
Может вызвать в народе волнения).

«*Саловенос Разбойникус* — птах непростой,
Он неведомой страстью живет;
А костом, что пошил ему местный портной,
Станет модным лет через пятьсот!»

Дружелюбен; не станет смотреть никогда
На невесту — хоть очень глазаст;
Коль увидит, что с кем-то случилась беда, —
Посочувствует, но не подаст.

Как он пахнет в кастрюле во время нагрева! —
Надо только добавит вина...
(А хранится — в шкатулке из красного дерева
Или — лучше — из кости слона.)

Саранчой его можно нафаршировать,
Хороша как приправа смола;
Надо только на стол Соловья подавать
Симметричным, как мать, родила».

Было время заканчивать (хоть без труда
Он встал бы до судного дня).
Он промолвил: «Сурок! Ты мой друг навсегда!
Ну а ты — уважашь меня?»

Был Сурок благодарен ему за урок
И глядел с благодарностью томной;
Он узнать бы такого, конечно, не смог
Из «Британники» всей многогоменной.

Возвратились назад. Был до ужаса рад
Сликер, видя сей пары обьятия.
«Нет, не зря тут и там по морям и волнам
Мы прошли — раз возникла симпатия!»

Подружились Сурок и Стрелок на века,
Эта дружба подобна экстазу.
Их повсюду выдали, Стрелка и Сурка,
Лишь вдвоем — и отдельно ни разу.

Ну а если поссорятся, хоть бы на миг —
Из-за жеста или глупого слова, —
Соловья им Разбойника вспомнится крик,
И вернется симпатия снова!

Вой шестой. Сон Судейского

На охоту терпение взяли и болт,
Были с ними надежда и джем,
Против Снарка они применяли дефолт,
Добрый взгляд и питательный крем.

Шить за вышивку дело бедняге Сурку
 Наконеч-то Судейский устал,
 Задремал он в сторонке, на правом боку,
 И увидел во сне идеал:

Тихий, сумрачный Суд: вот присяжные ждут;
 Вот Судья с сединой в бороде;
 Ловкий Снарк-дьявол, взяв парик напрокат,
 Защищал поросенка в Суде.

Бросил хлеб поросенок себе на беду,
 В «самоволке» он был виноват.
 И свидетель явился, и молвил суду:
 «Хлеб остался слетка пустоват!»

И статью очень быстро Судья подобрал,
 Но прочел ее как-то невнятно;
 После Снарк три часа обвиненье читал,
 Чтобы стало присяжным понятно.

Только было присяжным плевать на статью,
 Кто, и в чем, и зачем виноват;
 Все кричали про чертову эту свинью —
 Очень громко и все невопад.

«Пихо! Здесь вам не тут! Вы порочите суд!» —
 Так Судья заявил, возмущен.
 Снарк в ответ ему: «Дичь! Вам бы надо постичь
 Ипотечный военный закон!»

Тут измена, конечно, любому видна,
 Но без стовора и без корысти.
 Так что грош обвиненьям подобным цена,
 Лучше срок предлагаемый снизят.

Самоволка была, отрицать не могу;
 Но возможно и тут снискожденье,
 Ибо, словно в шелку, подсудимый в долгу,
 Да и было ли тут преступленье?

Жизнь бедняги вверяю присяжным навеки!»
 И Судье прошептал: «Ваша честь!
 Объясните жюри, сколько дать за побег,
 И — шагаш. Очень хочется есть!»

Но Судья заявил: «Объяснять не учен», —
 Так что Снарк это сам произвел,
 Но при этом немало нараслины он
 На несчастного хрюшу возвел.

Попытался вердикт изложить Старшина,
 Но пошло это дело насмарку —
 В том акцента ужасного, верно, вина...
 Это тоже доверили Снарку.

Снарк давно от процесса ужасно устал,
 А теперь — еще эта напасть...
 Все забыли, когда он «ВИНОВЕН!» сказал,
 А трюх унесли в медсанчасть.

Приговора зачтены минута пришла,
 Но Судья уже вовсе значах.
 Снарк прочел приговор: ну а в зале была
 Тишина, как на похоронах.

«Поросенка пожизненно надо сослать,
 А потом — принудительный труд».
 Все в восторге! Судья только вздумал ворчать,
 Что такого нигде не дают.

Но Смотритель тюрьмы им сказал: «Брунда!
 Вы забыли важнейшее «но»:
 Приговор не исполните вы никогда —
 Поросенок уж съеден давно».

Хоть покинул Судья с возмущением зал
 (Чтоб совсем прекратить волокиту),
 Озадаченный Снарк все равно продолжал
 Безнадежную эту защиту...

Так закончился сон, и послышался звон,
 Был он промокостью в сто децибел:
 Это Спикер изыск свой проклятый звонок
 И Судейскому в ухо звенел.

Вой седьмой. Роковая судьба Счетовода

На охоту терпение взяли и болт,
 Были с ними надежда и джем,
 Против Снарка они применяли дефолт,
 Добрый взгляд и питательный крем.

Дюхновился на праведный бой Счетовод:
 Снарк был нужен ему позарез!
 Он помчался зачем-то вперед и вперед —
 И из виду мгновенно исчез.

Но покауда он шел, снарядившись болтом,
Бандюгад появился, стервец,
 И ослел Счетовода длиннющим хвостом.
 Стало ясно, что это — конец.

Счетовод предложил ему взятку сперва:
 «Хочешь чек или каш, кровосос?»
 Бандюгад игнорировал эти слова
 И ко рту Счетовода поднес.

Видя жуткую страсть — *зловещую* пасть —
 Счетовод фуэте закутутил,
 С криком «Шал! Ни грош!» сделал три антраша —
 И свалился на землю без сил.

Тут бежался отряд, и спинял Бандюгад —
 Он от шума и крика устал.
 Спикер звякнул звоночком три раза подряд
 И промолвил: «Я этого ждал!»

Почернел Счетовод от прошедших невзгод
 И утратил немало ума,
 Стал жиглет его бел от испуга, как мел, —
 Это редко бывает весьма!

Но поднялся он вдруг, свой походный сюргук
 Отряхнул, — и, взглянув на друзей,
 Попытался мычаньем и жестами рук
 Им о драме поведать своей.

Спеть попробовал он — это было как стон:
Зуувильд, бессмысленный звук!
 После взял домино, повторяя одно
 Непрестанно и нудно: «тук-тук».

«Поразил его рок! Это горький урок,
 Но дела нам ныне важны, —
 Заявил капитан. — Скоро ночь и туман,
 Снарка засветло взять мы должны!»

Вой восьмой. Исчезновение

На охоту терпение взяли и болт,
 Были с ними надежда и джем,
 Против Снарка они применяли дефолт,
 Добрый взгляд и питательный крем.

Вот и сумерки. Типостен путь и непрост...
 Шел Сурок, позабыв про кисет,
 Как в балеете, слегка опираясь на хвост,
 Нюхом опытным чувствую след.

Капитан произнес: «Кто орет, как дурной?
 Это тот... Как же звать-то... Забыл!
 Он и машет рукой, и трясет головой —
 Вероятно, он Снарка добыл!»

Это вызвало шок; и промолвил Стрелок:
 «Вот же шут, и неслепый весьма!»
 Возвышался Стюард — боевой авангард —
 На вершине круглого холма.

Как литой монумент, он застыл на момент,
 А потом — словно кинолуп петух —
 Он у всех на глазах сделал гибельный шаг:
 Прямо в пропасть бездонную — бух!

Но всего через миг все услышали крик:
 «Снарк, тебе нынче будет труба!»
 После — радостный смех, что вещает успех,
 Но позднее — злое шепче «Ба...»

А потом тишина охватила весь край.
 Показалось немногим, что из
 Этой пропасти тихо послышалось «..бай!» —
 Или дул это слабенький бриз?

И искали они — но следа не нашли;
 Не нашел бы и весь Скотланд-Ярд —
 Ни костей, ни следа, ни близки, ни вдали,
 Даже места, где стиннул Стюард.

В тот момент, когда он, словно сам Перкулес,
 Подвиг свой совершал, нестибаем,
 Он без шума и пыли навеки исчез —
 Ибо Снарк был взаправду Бабаем!

УИЛЬЯМ МОРРИС
 (1834—1896)

БЛИЗИ АВАЛОНА

В ладье, что мчитса над волной,
 Шесть дев плывут, нежны,

В золотых коронах; у одной —
 Одежды зелены.

Парят на зелени знамен
 Изображенья дивных жён;
 Средь них портрет Джиневра; он
 На всех ветрилах повторен.

Шесть смелых рыцарей стоят
 На судне у руля —
 Забрало заслоняет взгляд,
 Им не видна земля.

Вет с копий ветер, обозлен,
 Лохмотья пламенных знамен.
 И каждый рыцарь удручен,
 И прядь гайт златую он.

ЭХО В ХРАМЕ ЛЮБВИ

Любовь дары несет в расцвете жизни всем:
 «Любовь назад берет дары свои затем».

Любовь подарит речь молчаливому дотоль:
 «Любовь отнимет речь, коль вместо счастья — боль».

Любовь откроет взор всем, до того слепым:
 «Любовь туманит взор всем, но не нам двоим».

Любовь — прекрасный свет, коль радость впереди:
 «Любовь — источник бед, когда тоска в груди».

Любовь! Меняешь всё — меня не измени!
 «Любовь! Меняешь всё — о, радость мне верни!»

Любовь, сжигая мир, взлетает в высоту:
 «Любовь, сжигая мир, оставит пустоту».

Остались мы вдвоем, и нас труды не ждут:
«Остался я один; кто мой оценит труд?»

Любовь, тебя молно о радости в судьбе!
«Я решен — но люблю... Прислушайся к молеб!».

СТРАДА ЛЮБВИ

Дрожащих рук не отводи:
Щемит — ветра, стучат — дожди,
И стыд не ждет нас впереди,
Хоть листья облетают.

Твердишь, что скоро холода...
Но пусть и жизнь, и смерть — беда:
Живым — не ведать нам вреда,
Умер — пускай болтают.

Вновь будет зелено вокруг,
Не зря мы сеяли, мой друг;
Были корень — рай, росток — недуг,
А колос — их сплетенье.

Но корень навсегда зачах,
И стебель сохнет на глазах,
А колос спрятан в закромах
До светопреставленья.

ГРОМ В САДУ

Ветви сада прогнулись, дрожа под дождем,
Вновь послышалось пенье дрозда.
Я припомнил, услышав раскатистый гром,
День, когда отступила беда.

Был у мрачного дня лучезарный финал,
Озаренный сияньем небес;

В свете молний я счастье свое вспоминал —
День нежданых, безумных чудес.

Был роскошный июнь. Вслед грозе — тишина,
Вслед дождю — пополуденный зной...
Все тогда для меня изменила она,
Улыбнувшись улыбкой иной.

Сколько было в той новой улыбке огня!
Помню рук нетерпенье и жар;
Ее пальцы с моими сплетались, пьяня,
И дарили неведомый дар.

Снова ливень — и грома вернувшийся звук,
Прочих звуков не слышно опять;
И сливние губ, и касание рук
Только чудом могу я назвать.

Ее губы коснулись лица моего,
Как мечталось мне тысячу раз,
И сияло в слезах ее то волшебство,
Что весь мир изменяет подчас.

Было время дневное, но царствовал мрак;
Нас жеганье как гром потрясло.
Позже свет возвратился, и ливень иссяк,
И zapomнили руки тепло.

И, как прежде, она улыбнулась тогда,
Поднялись мы, покинули дом,
Вышли в сад — и услышали пенье дрозда
Средь ветвей, напоянных дождем.

И, с собою неся ароматы земли,
Влажных лилий срывая цветы,
Шла она под аркадой, где розы цвели,
Шла по саду, где травы густы.

Мы в саду оставались тогда дотемна,
Затихал умиралющий гром,
На стеной монастырской светилла луна,
Заливая весь мир серебром.

Холодадо. И час возвращаться пришел.
Нам опять не хватало тепла.
Над порогом взметнулся шуршащий подол,
В темном доме любовь нас ждала.

ОСТИН ДОБСОН
(1840—1921)

ЗАЛОГ ЛЮБВИ

«Martis caelebs quid agam
Kalendis
----- miraris?»

Нот., Ш.8**

Чарльз, хочешь знать мою беду?
Ну что ж, рассказ я поведу...
Взгляни: печально в стол кяду
Я то, что свято,
Хоть пожелтели кружева —
В них память прежнего жива,
И так кружится голова
От аромата!
Не смей твердить, пиничный друг, —
Мол, бредни слушать недосуд,

* В Приложении помещен пародийный перевод этого стихо-
творения.

** Что же — холостяк — я в календы марта,
скажешь ты, затеял?

Гораций, «Оды», Ш.8 (лат.).

Мол, от желудка весь недуг
И вся кручина;
Сей шарф из прошлого донес
Мне аромат бе волос;
Nunc illic lastimae! Вот слез
Моих причина!

Лет миновала черед,
Уже она не молода,
Есть муж... И клятва навсегда
Забыты нами...
Грушу я. Твой насмешлив взгляд,
Но Стерн сюжету был бы рад:
Печален, кто глядит назад —
Хоть временами...

«Златой мой докон» ныне сед;
Она... сказать не смею, нег!
Но снова радость юных лет
Ко мне явилась;
Когда сей шарф узрел в столе —
Светлее стало на земле,
Связь шарф — как солнышко во мгле —
Лицо светилось.

На сердце наложу печать:
Пора пикагулке замолчать,
Что грустно вздумала звучать,
Сентиментально;
Увы! Рассудку вопреки —
Внемиги! — волшебные смывчки
О ней журчат, как ручейки,
Звенят хрустально.

Я снова — смейся надо мной! —
Стал тем мальчишкой, что весной

* Досл.: «Вот откуда эти слезы» (Теренций, «Девушка с Андроса»);
в переносном смысле — «вот в чем причина» (лат.).

Увидел счастье в ней одной —
В день невозвратный;
Мы шли вдвоём (прекрасный сон):
Она — матрона из матрон,
И я — совсем не Аполлон,
Не витязь статный.

Не ведал я, куда идем, —
Шли, взявшись за руки, вдвоём;
Подруга, в шарфике своём, —
С улыбкой милой...
Ты положил конец мечтам,
Вернул к обыденным делам,
Твердя: смирать ирландцев нам
Придется силой.

С Судьбой бороться не дано,
И трубка жгёт меня давно,
Ждут фолланты, ждёт вино...
К чему казнилися?
За Них я выпью, умудрен, —
Хранящих одинокий сон,
Сон мирный всех, кто был влюблен,
Но не женился.

ТОМАС ХАРДИ
(1840—1928),

ПРО АГНЕС

Конец надеждам — хоть мечтал я много дней
Хотя бы раз
Ее увидеть, станцевать еще раз с ней,
Как в летний час
Ночных чудес, когда округлая луна
Над авеню и сквозь листву была видна.

Нет, не вернуться — как того бы ни желал —
Былые дни,
Не повторится этот танец, этот зал,
И нам в тени
Не быть вдвоём, рука в руке, и к танцу нас
Не позовет из дальних комнат контрабас.

Возврата нет. Тебе понятно, почему.
Да, это так:
Она сошла, как все прекрасное, во тьму,
В могильный мрак.
Лежит недвижно. Как из мрамора черты.
Бела, тиха, сокрыта в недрах темноты.

Спит как богиня, белоснежна и нежна,
Забыв про свет...
С Калипсо схожа, с Афродитой ли она —
Кто даст ответ?
Иль с Амфитритой, возлежащей на волне?
С одной из муз, что недвижима в дивном сне?

УИЛЬЯМ КОСМО МОНКХАУС
(1840—1901)

РАСТИ ВДВОЕМ

Я не хочу, чтоб стала ты иной,
Поскольку совершенство предо мной.
Лик изменить твой нежный
Пусть будет мне дано —
Я все равно
Тебя оставлю прежней.

Мы — врозь ущербны, целостны вдвоём,
Друг другу завершённость придаем
И слиты беспредельно —
Я жителей морских

Встречал таких,
Чьи створки нераздельны.

Менять тебя, родная, не возьмусь —
Что створки разойдутся, я боюсь.

Как ветер, переменны

Мы оба каждый час;

Меняй же нас,

Судьба, одновременно —

Меняй, как створки раковин морских:
Их дружный рост не разделяет их.

Молю я Провиденье:

Пусть так растет любовью

Из нас с тобой —

С любимым в единенье.

РОБЕРТ БЬЮКЕНЕН
(1841—1901)

БАШЛАДА ОБ ИУДЕ ИСКАРИОТЕ

Так было: лежал Иудин труп
На купленной кровью земле;
Так было: тагиса Иудин дух
За этим телом во мгле.

А небо ночное было черно,
Земли ночная — черна,
И сквозь лохмотья черных туч
Кровавая мчалась Луна.

Так было: лежал Иудин труп,
Жалок и недвижим;

Так было: склонился Иудин дух,
С тоской над телом своим.

Тряким, как будто большого вздох,
Было дыханье земли;
Святые, светлые слезы росы
Из глаз Вселенной текли.

И, глядя на тело, Иудин дух
Издаг еле слышный стон:

«Мой опозоренный, жалкий труп
Должен быть погребен!»

Мой опозоренный, жалкий труп
Я зарю теперь,

Чтобы не видели люди его,

Чтобы не тронул зверь.

Но камни на поле остры, как сталь,
Тверды они — видит Бог!
И тело придется мне унести,

Чтоб я закопать его смогу».

Так было: печальный Иудин дух,
Унынем до дна изнурен,
Поднял и понес Иудин труп
С Кровавого Поля — вон.

Когда этот труп, холодный как лед,
Тащил он сквозь темноту —
Стучали, подобно игралым костям,
Зубы в безгласном рту.

Когда, стибаясь, Иудин дух
На спину груз воздвиг,
Глаз Неба блеснул, как свет фонаря, —
Блеснул, но всего на миг.

Он то ли шел, то ли летел, —
Вихрь его нес ледяной,
Как будто касанье холодных рук
Чувствовал он спиной.

И первое место, куда он пришел, —
 Поросший колочкой пустырь,
 Пустырь, что ветром холодным был
 Пронизан и вдоль и вширь.

Второе место, куда он пришел, —
 Лнилой и заросший пруд,
 Бросил он тело туда — но оно
 Всплыло, как пустой сосуд.

И дух снова взвалил свой груз
 (А небо стегало дождем) —
 И третье место, куда он пришел,
 Был холм с высоким Крестом.

Он приляделся к тому Кресту
 И к двум соседним Крестам —
 И три скелета распятых людей
 Он в страхе увидел там.

И он поглядел на средний Крест:
 Спал белый Голубь на нем;
 Чуть виден при тусклом свете луны,
 Он головою скрыл под крылом.

Под средним Крестом могильный дол
 Был вырыт в этом холме,
 Но дух, взглянув туда, задрожал,
 И скрылся, дрожа, во тьме.

Четвертое место, куда он пришел,
 Был берег кровавой реки:
 Над нею — узкий, как лезвие, Мост,
 Стремнины ее — глубоки.

Он тело бросить в поток не посмел:
 Там злобно глаза горят
 И руки готовы вышвырнуть труп
 Из водоворота назад.

Так было: покинул Иудин дух
 Страшные эти места,
 И пену кровавую бросил вослед
 Водоворот у Моста.

Он дни и ночи шел наутад,
 Свой труп по пустыне нес,
 И были дни — как глухая мгла,
 А ночи — как ливни слез.

Он дни и ночи шел наутад,
 Лес Скороби изведая он,
 И были ночи как снег в лицо,
 А дни — словно ветра стон.

Так было: скитался Иудин дух,
 Один, повсюду — один!
 Так шел в печали Иудин дух
 Среди пустынных равнин.

На запад, восход — шагал он вперед,
 Не слыша речи людской:
 Шел дни и года, не зная — куда,
 С отчаяньем и тоской.

Шел дни и года, не зная — куда,
 Сквозь тьму, где проблеска нет;
 Но вот увидел Иудин дух
 Далекий-далекий свет.

Далекий-далекий огонь в степи,
 Слабее слабой свечи,
 Он вспыхивал и угасал опять,
 Словно маяк в ночи.

Так было: пополиз Иудин дух
 К далекому свету во мгле;
 А дождь хлестал, дождь клокогал,
 Дождь прижимал к земле.

Он шел дни и ночи, тоним вперед
Касанием ледяным;
И дни проходили черным дождем,
А ночи — буряном степным.

И вот свершилось: Иудин дух,
Печален, тош и убог,
Стоял среди черной ночи один;
Сиял перед ним чертог.

И пустошь покрыта порошей была,
Следы на снегу — черны,
И поднял над миром лампаду свою
Серебряный призрак Лунны.

Сосульки свисали с карнизов крыши,
На стенах — блеск белизны,
И тени гостей, что на свадьбу пришли,
Сквозь окна были видны.

Виднелись сквозь окна тени гостей
И слышались шум и смех;
Иудин дух положил свой труд
Пред домом на свежий снег.

Иудин дух положил свой труд
Пред домом на свежий снег,
Иудин дух вперед и назад
По снегу пустился в бег.

Вперед и назад, туда и сюда
Он бегал, чтоб ноги согреть,
Как бегает в дальнем полярном краю
Тошней белый медведь.

Сидел Жених во главе стола,
И было светло как днем;
Спросил Он: «А чьи там слышны шати
Усталые за окном?»

Так было: взглянул один из гостей
И дал смиренный ответ:
«То носится волк туда и сюда,
В снегу оставляя след».

Сидел в белоснежных одеждах Жених,
И снова промолвил Он:
«О, чей это слышится за окном
Жалобный тихий стон?»

Так было: взглянул один из гостей
И гневен был его глас:
«То дух Иуды вперед и назад
Носится здесь сейчас».

Так было: застыл Иудин дух,
И стоны прервались вдруг;
В дверях появился святой Жених,
И стало светло вокруг.

Стоял святой Жених со свечой,
Он в белое был одет,
И видел Иудин дух сквозь дверь
Посподней Вечери свет.

Струился свет от лица Жениха —
Свет ярок был, нестерпим...
Жених произнес: «Что ты делаешь здесь —
С грешным телом твоим?»

Ответил Ему Иудин дух,
Печален, наг и убог:
«Я дни и ночи шел наутад,
Сквозь тьму шагал без дорог».

И были яростны крики гостей:
«Здесь не место ему!
Прочь прогони Иудин дух —
Пусть уходит во тьму!»

Медленно руки свои поднял
К небу Жених святой,
Три мановения сотворил —
И снег повалил густой.

Любая снежинка была бела,
Любая была легка,
И над землей превращалась она
В белого голубка.

Был прочь унесен Иудин труп
Усилим тысяч крыл,
И этих белых крыльев покров
Подобен савану был.

Так было: Жених с улыбкой позвал
Гостя к себе в чертог.
Так было: пополнил Иудин дух
К Нему — и замер у ног.

«Святая Вечеря здесь у нас,
И жду я тебя давно,
И свечи горят в ожиданье тебя,
И не разлито вино!»

Все свечи горят, и разлито вино,
Ждавшее до сих пор;
Иуда Господни ноги омыл
И волосами обтер.

ЭДМУНД УИЛЬЯМ ГОСС
(1849—1928)

СИРИЙСКАЯ НАПИСЬ

Под аркой упокоен навсета
Астарты жрец, Сидона властелин —

Я, царь Табнит. О подлый чужанин,
Безумный вор, пробравшийся сюда,
Издли — или ждет тебя беда!
Не для тебя здесь, ведай, ни один
Сокрытый спиток злата и рубин:
Плита моя надгробная тверда.

А если мой покой, отбросив страх,
Нарушишь дерзновенно — не стерпев,
Астарта на тебя обрушит гнев:
Забывтый всеми, будешь жить впотьмах,
Твой век бесплодным будет и посея;
Без жизни жизнь, без погребенья прах.

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН
(1850—1894)

КОЛЕБЛЮЩЕМУСЯ ПОКУПАТЕЛЮ **Вступление к роману «Остров сокровищ»**

Коль песни старых моряков,
Старинных книжек аромат,
Пираты, тайны островов,
И бури, и зарытый клад,

Морей соленая вода, —
Коль умниц нынешнего дня
Все это манит, как тогда —
Давным-давно! — влекло меня,

То книга, стало быть, нужна!
А если им не надо тайн,
Им ни к чему ни старина,
Ни Купер, Кингстон, Баллантайн, —

Что ж: попаду на то же дно
(Со мною — Одноногий Джон),

Дде и расказчыков полно,
И персонажей всех времён.

АЛЬФРЕД ХАУСМЕН
(1859—1936)

ИЗ СБОРНИКА «ПРОПШИРСКИЙ ПАРЕНЬ» XIII

Когда мне было двадцать,
Мудрец сказал: «Смотри;
Раздай гиней, фунты,
Но сердце — не дарю.
Раздай рублины, жемчуг —
Пусть вольным будет ум».
Когда нам только двадцать,
Советы — лишний шум.

Когда мне было двадцать,
Мудрец сказал: «Дяди!
Отдать не сможешь даром
Ты сердца из труда.
Тебе раслатай станут
Печали и тоска...»
Мне — двадцать два. Я понял
Всю мудрость старика.

ИЗ СБОРНИКА «ПРОПШИРСКИЙ ПАРЕНЬ» XXXII

Из света, тьмы, из неба
Двенадцати ветров
Я дуновеньем жизни
Внесён под этот кров.

Мне скоро в путь бескрайний —
Я только вздоха жду...
Дай руку мне, поведай
Про радость и беду.

Проси чего захочешь —
Скорей, пока я тут;
Двенадцать румбов ветра
Опять меня зовут.

ИЗ СБОРНИКА «ЕЩЕ СТИХИ» XI

Не имя, а номер призывали,
Послали вновь
В мир тьмы, немоты и печали,
Дде боль и кровь.

Так годным для бойни предметом
Он стал впопне —
И дешёв Короне при этом,
Но дорог мне.

Так гибнет в трясине кровавой
И гаснет знак
Полета, вершимого славою
Во прах и мрак.

ИЗ СБОРНИКА «ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ» ЭПИГРАФ

Уже не ступим в лес,
Там лавров больше нет.
О, легких листьев тень!
Для Муз покров исчез...
А год стаялся в день,
Вечерний гаснет свет:

Да, лавров больше нет,
И мы не ступим в лес.
О, путь исчез, исчез
Под вековую сень,
В лес древний, до небес:
Блеск лавров там исчез...

ИЗ СБОРНИКА «ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ» XI

О звуках гаснущего лета
И майской белизны,
О дивных песнях чародейки
Мне речи не нужны —
Мы с нею так давно знакомы
И так давно дружны.
Сосна роняет шишки в хвою
Близ сонного пруда,
Кукушка попусту считает
Дрящущие года,
Цветок осенний просит верить,
Что позади беда.

Взгляни: сияют под лучами
На травах жемчуга,
И строгим строем под луною
Всю ночь стоят столба,
Пестреет вихрь листовою буквой,
Раздетых доната!
Влады, как я владею порою, —
Отныне все твоё:
Холмы, и доли, и дорога,
И вязь вдоль несе, —
Край, где мой лес многоколонный
Прошепчет про житье.

И знай, что разума и сердца
Природа лишена,
Ей наши судьбы безразличны
И наши имена,
И чьи следы остались в росах —
Не ведает она.

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ (1865—1936)

ТОМЛИНСОН

Вчера Томлинсон на Беркин-сквер скончался в своем дому,
И сразу же Призрак, посланник небес, на дом явился к нему,
За волосы с койки его поднял и потащил в руке,
В долину, где Млечный Путь шумит, как пережат в реке;
Потом еще дальше, где этот шум затих и умер вдали;
И вот к Ворота́м, где Петр звенит ключами, они пришли.
«Восстань! — велю тебе, Томлинсон», — так Петр с ним

заговорил, —

И нам Расскажи о добрых делах, что делал, пока ты жил.
Какое добро на далекой Земле свершил ты, о жалкий гость?»
И побегла пришеляда душа, словно нагая кость.

«Был друг дорогой, — он сказал, — у меня, советчик и пастырь
мой,

Он дал бы ответ за меня сейчас, когда бы здесь был со мной».

В Духод,

«Что в жизни земной был приятель с тобой — запишут тебе
Но этот барьер — не Беркин-сквер, ты ждешь у Райских Ворот,
И если друг твой прибудет сюда — не даст за тебя ответ,
У нас для всех — одиночный забег, а парных забегов нет».
И огляделся вокруг Томлинсон, но толку с того — ни пища;
Смеялась нагая звезда над ним, нагою была душа,
И ветер, что выл среди Светил, его, будто нож, терзал,
И так о добрых своих делах у Врат Томлинсон рассказал:
«Об этом я слышал, а то — прочел, а это — сам размышлял
О том, что думал кто-то про то, что русский князь написал».

Скопилась стайка душ-толбюков, поскольку проход закрыт,
 И Петр ключами устало трихнул, он был уже очень сердит.
 «Ты слышал, ты думал и ты читал — вот все, что сказал ты нам,
 Но именем тела, что ты имел, ответь — что ж ты делал сам?»
 Взглянул Томлинсон назад и вперед, но не было пользы с того;
 Была темнота за его спиной, Врата — пред глазами его.
 «О, это я понял, а то — угадал, об этом — слышал разговор,
 А это писали о том, кто писал о парне с норвежских гор».
 «Ты понял, ты слышал, — ну ладно... Но ты стучишься в Райскую
 Дверь;
 И мало здесь места средь этих звезд пустой болтовне, поверь!
 Нет, в рай не войдет, кто слово крадет у друга, пола, родни,
 И кем напрокат поступок был взят, — сюда не войдут они.
 Твое место в огне, твой путь — к Сатане, тобою займется он;
 И... пусть та из вер, что ты взял с Беркли-сквер, тебя да хранит,
 Томлинсон!»

***

За волосы Призрак его потащил, чтоб, солнца минуя, пасть
 Туда, где пояс Потшибших Звезд венчает Аджую Пасть,
 Где звезды одни от злобы красны, другие — белы от бед,
 А третьи — черны от жгучих грехов, их умер навеки свет,
 И если с пути они смогут сойти, — того не заметим мы:
 Горят их огни или потагли они — не видно средь Внешней
 Тьмы.
 А ветер, что выл среди Светил, его насквозь пронизал,
 И к адским печам он рвался сам — он в пекле тела искал.
 Но там, где вылозает трешники в ад, сам Дьявол сидел у Ворот,
 Он душу спешившую крепко схватил и перекрыл проход.
 Сказал он: «Не знаешь ты, верно, цены на уюль, что должен я
 жечь,
 Поэтому нагло, меня не спросив, ты лезешь в адскую печь.
 Я все-таки детям Адама — родня, так что ж ты плюешь
 на родство?
 Я с Богом боролся за племя твое со дня сотворенья его.
 Присядь, будь лобезен, сюда на плак, — так Дьявол ему
 говорил, —
 И нам Расскажи о дурных делах, что делал, пока ты жил».

И посмотрел Томлинсон наверх — и там, где спасенья нет,
 Увидел звезду, что от пыток в аду сочила кровавый свет;
 Тогда он вниз посмотрел — и там, вблизи мирового Дна,
 Увидел звезду, что от пыток в аду была, словно смерть, белена.
 Сказал он: «Красоткой я был соблазнен, трешили мы с ней
 вдвоем,
 Она б рассказала, будь она здесь, об этом грехе моем».
 «Что в жизни земной был грешок за тобой, — запишут тебе
 в Доход,
 Но этот барьер — не Беркли-сквер, ты ждешь у Адских Ворот,
 И если подруга здесь будет твоя — тебе в том выгоды нет;
 За грех двоих здесь каждый из них несет в одиночку ответ!»
 И ветер, что выл среди Светил, его, будто нож, терзал,
 И так о дурных своих делах у Врат Томлинсон рассказал:
 «Раз высмели там любовь к Небесам, два раза — мотильную
 пасть,
 А трижды — чтоб храбрым считали меня — я Бога высмели
 всласть».
 А Дьявол душу в костре раскопал и дал ей остыть чуток:
 «На дурня безмозглого переводить не стану я свой уюлек!
 Ничтожнейший грех — дурацкий твой смех, которым
 хвалишься ты;
 Нет смысла моих джентльменов будить, что по? трое свят
 у плиты».
 Взглянул Томлинсон вперед и назад, но пользы не высмотрел он:
 Стрелась пустоты, толпились вокруг бездомных Душ легион.
 «Ну... это я слышал, — сказал Томлинсон, — об этом был общий
 шум,
 А в книге бельгийской я много прочел француза покойного
 дум».
 «Читал ты, слышал ты... Ну ладно! И что ж? А ну отвечай скорей:
 Прешил ли хоть раз из-за жадности глаз или зова плоти твоей?»
 «Пусти же меня! — закричал Томлинсон, решетку тряся
 что есть сил, —
 Мне кажется, как-то с чужою женой я смертный грех совершил».
 А Дьявол, огонь раздувая в печи, смеется из-за Ворот:
 «Ты грех этот тоже прочел, скажи?» — «Так точно» — ответил пот.
 Тут Дьявол дунул на ногти — и выиг к нему бесенята бегут.
 «Содрать шелуху с того, кто стоит под видом мужчины тут!»

Просесть его сквозь звезд решетот! Найти его цену тотчас!
К упадку пришли вы, люди Земли, коль это — один из вас»,
На мелких чертах — ни броек, ни рубок; их — юлых — пламя

страшит,

И горе у всех — что крупный-то грех из мелких никто не свершит.

Они по утлю, крича: «У-лю-лю!», гнали отрепья души

И рылись в ней так, как в вороньем гнезде роготся малыши.

Вернувшись назад, как дети с игры, с игрушкой, разорванной

сплошь,

Они говорили: «В нем нету души, и делаь куда — не поймешь.

Внутри у него — так много всего: душ краденых, слов чужих,

И книг, и газет, и только лишь нет его паршивой души.

Пытали его и терзали его котгами до самой кости,

И котги не лугт — клинемся, что тут его души не найти!»

И Дьявол голову свесил на грудь, не в силах печаль унять:

«Я все-таки дестям Адама — родня; ну как мне его прогнать?

Пусть наш уголок далек и глубок, но если в нашем огне

Я дам ему место — джентльмены мои в лицо рассмеются мне,

Хозяином глупым меня назовут и скажут: „Не ад, а бардак“.

Нет смысла моих джентльменов сердить, ведь гость —

и выправду дурак».

Пыталась к огню прикоснуться душа, а Дьявол гляден на нее,

И жалость терзала его, но он берет реноме свое.

«Проход тебе дам, трагь уголь к чертым, ступай к вертемам,

вперед! —

Коль душу придумал украсть ты сам». — «Так точно!» — ответил

тот.

И Дьявол вздохнул облегченно: «Ну что ж.. Душа у него, как

блоха,

Но сердце спокойно мое теперь — там найден росток греха.

Сей видя росток, я бы не был жесток, будь выправду я всех

сильней,

Но знай, что внутри — иные цари, и власть их — выше моей.

Проклятые есть там Заумь и Спесь — и шлюха, и пастырдь для

всех;

Я б сам не хотел ходить в их предел — в тот особый пыточный

цех.

Не дух ты, не гном, не книга, не зверь, — тебя никак не назвать;

Что ж, ради спасения чести людей — ступай, воплотись опять.

Я все-таки дестям Адама — родня, не жди от меня вреда,
Но лучших — смотри! — прешков набери, когда вернешься сюда.
Вот черные ждугт тебя жеребыд, чтоб отвезти домой,
Не мешкай же, чтоб успеть, пока проб не закопали твой!
Вернись на Землю, открой глаза и дестям Адама скажи,
Поведай людям ты слово мое, покуда ты снова живь,
Что за грех двоих здесь каждый из них несет в одиночку ответ,
И ... пусть бережет там Бог тебя — тот, что взял ты из книг

и газет!»

ПРОПИСНЫЕ БОГИ

Стран реальных и легендарных знал я много, во все века,
И ценил я Богов Базарных, и цена была высока.

Я глядел сквозь умилыные пальцы и на славу их, и на крах, —

Но царят Прописные Боги, обратив всех прочих во прах.

Дали нам они наставления (мы на ветках жили тогда),

Что огонь обожжет, без сомнения, и уж точно намочит вода.

В этом не было перспективы и всего, чего жаждугт умы;

Пусть горили поучат! И смело в мир грядущего двинулись мы.

Нас влекло Духа величие — их шажок был скромн и тих;

От Базарных Богов в отличие, нет полета в натуре их.

Но они мешали прогрессу, и творили злые дела:

И случалось, что племя тонуло, или Рим выгорал дотла.

Были знания им непонятны, что известны во всех временах.

Оприцали, что круг — квадратный, что земля стоит на слонах.

Оприцали, что голод — тетка; даже то, что работа — волк.

Мы Богов Базарных призывали — вот от этих нам будугт толк!

На заре Кембрийских формаций, чтоб навек примирить врагов,

Мы устроили разоруженье — по совету Базарных Богов;

И они же нас продали в рабство — безоружных, как глупых

ценят...

И реки Прописные Боги: «Ну и кто же вам виноват?»

А потом, в Феминистский период, к нам пришла Полнога Бытия (Это значит: ты мил мне, ближний, а милей — супруга твоя), Но не стало детей у женщин, а мужи потеряли покой, И рекли Прописные Боги: «Смерть — расплата за грех такой».

А советы в эпоху Карбона было очень нам по нутру:
«Все отнять у частника-Павла, коллективному дать Петру!»
И у нас стало много денег — только все голодали окрест,
И рекли Прописные Боги: «Кто не трудится — тот не ест».

И Базарные Боги пали, и сбегали их колдуньи,
Даже глупые осознали, что в иное верить должны.
«Не забудь: дважды два — четыре! И не всяк, кто сияет, — Бог!» —
Прописные Боги твердили, чтоб любовью понять это смол.

Так и будет оно навеки, как было с древнейших лет;
Есть четыре таких возвращенья, в которых сомненья нет:
Пес вернется к своей блевотине, свинья — в родимую грязь,
Дурак, отнем обожженный, снова в пламя пойдет, трясясь,

И еще: когда он возникнет, мир грядущий, что дивен и нов,
Где всем живущим — награда, где нет кары из-за грехов, —
Так же верно, как жжет нас пламя, так же верно, как мочит вода,
Вновь придут Прописные Боги — и опять нагрянет беда!

НОРМАНН И САКС

Норманнский барон промолвил: «Я скоро умру, мой сын.
Вилыгелм мне выделил земли — ты станешь их господин.
Именья славное это — за Гастингс, за храбрость дано...
И ты, вступив во владенье, прошу, не забудь одно:

Сакс вовсе не схож с норманном, у сакса суровый нрав,
Сакс может стерпеть немало — не стерпит попрания прав.
Когда он, как бык, упрется, и вспыхнет в глазах огонь,
Когда пробоурчит: «Нечестно!» — о сын мой, его не тронь.

Пытай пикардийцев вволю, секи тасконских стрелков,
Но с саксами будь осторожней, их сброд страшнее волков;
Они соберутся скопом — холопы и господа —
И будут жалить, как шершни, и ты — уступи тогда.

И надо, чтоб ты скорее их трубой язык постиг
И без перевода понял рассказы о бедах их.
Прсть видят они, что просьбы тебе разбирать не лень;
Забудь о желанной охоте, и слушай — хоть целый день.

Любой из них днем — пропойца, любой — браконьер по
ночам,
Он ловит не кроликов в поле, а дичь по твоим лесам.
Повесить, рубить ему пальцы — всяма расточительный путь:
Сакс — славный охотник; в солдатах он будет не хуже ничуть.

Являйся с женой на свадьбы, поминки и праздники к ним,
С епископом ты не ссорься. Будь ласков к помам приходским.
Тверди только «мы» и «наше» — не «вы», «мосе» или «я»,
Не вздумай травить посевы, и помни — ни слова вражды!»

ФРАНЦИЯ

*Все горести испытала и все победить смогла,
Прикрыта любовью к жизни, как щитом от любого зла,
Не ведала в роскоши меры и передышки в труде,
И чернила грозную силу в земле своей и воде;
Себя саму и своих людей судила старого она,
За новою правдой первой шла и старей была верна,
За нрва свой радужный жюбима сейчас и во все времена.*

Еще до рождения — помнишь? — мы толкали друг друга в бок
В римской утробе — и это был нашей вражды исток.
Еще язык у нас был один — мы стремились уже к тому,
Чтоб судьбу другого народа скротить по образу своему.
До сей поры мы землю трясли — и нашей стала земля,
Другие Троны наша вражда сметала во тьму, пыля,

Других Государей в странах других мы творили друг друту

во вред —

Мы их нанимали, чтоб причинить соседу побольше бед,

До сей поры мы за шагом шаг штурмовали моря, и вот —

Двери нового мира открыли рывком, не зная, кто первым идет.

С клинком обнаженным — помнишь? — всегда вступили

готовые в бой,

Кого б ни встречали — мы только врага видели перед собой;

Но сила его не пугала нас, а только звала вперед —

Вот так мы неслись через бездну веков и через просторы вод!

Ты ли была отраженьем нас — или вторили мы тебе?

И была ли на свете такая волна, что нас видела не в борьбе?

Нас отвлекали иные порою, но не могли удержатъ,

И мы, услышав знакомый зов, шли друг на друга опять.

Нас привлекала знакомая страсть, равных врагов борьба,

Мы были друг друту — загадка и страх, нужда, любовь и судьба.

Мы приходили друг к другу на суд, не рискуя утратой лица —

И честность всегда находили там, и внимания к речам иста.

Последнюю дань отваге в последнем дыханьи своем

Лютки наши хрипели меж гардой и острием.

И мы наливали друг друту в чашу адскую смесь —

Слезы и кровь, издевки, страх, недоверие, спесь —

Во все эти торьские годы, с древних времен доднесь.

Этой борьбой мы ныне закалены навсегда:

Славные были годы, славной была вражда!

Ныне в оковах кулыгуры мы во вражде не вольны,

И прежние злодеянья стали для нас смешны;

Мы готовы простить былое, будто грех — это просто вздор;

Даже общее преступленье — негасимый руанский костер.

Мы думаем, глядя на новый век: в сердце новых времен

будет ли ярче пылать огонь, чем тот, что нами зажжен?

Мы слушаем новые голоса, полные похвальбы,

Подобные нашим — помнишь? — во дни былой кровавой

борьбы.

Мы видим тьмы солдат на земле и тьмы кораблей в морях,

Готовые так же — помнишь? — как мы, врага обрывать во прах.

Мы оружие друг друга ценой потерь изучили, спасая свой род.

Разве смогут Железо и Кровь теперь доставить больше невзгод?

Мы за эти века досконально познать смогли друг у друга умы,

Разве смогут Железо и Кровь развязать нынче то, что не свяжем

мы?

Мы — те, кто друг друту топтал берега, врывался друг к друту

в дом

С той самой поры, когда Бреннов меч блеснул над римским

холмом, —

Мы слушаем, видим, смыкаем ряды; и, крутые сутки в седле,

Несем свою службу в едином строю, спасая мир на земле!

Все горести испытала и все победить смогла,

Прифронта любовью к жизни, как щитом от любого зла,

Не ведала в роскоши меры и передышки в труде,

И чернила фразную силу в земле своей и воде;

Себя саму и своих людей судила строго она,

За новую Правдой первой шла и спиной была верна —

За нраве свой любовью и верностью многих одарена.

ПАДРЕЙК КОЛУМ

(1881—1972)

Я НЕ УМРУ ИЗ-ЗА ТЕБЯ

Не потеряю головы,

Пускай ты лебеди стройней;

Служила многих ты, увя, —

Но я сильней.

Как этот стан и мил, и люб,

Как локон вытеся на ветру!

Но из-за блеска этих губ

Я не умру.

Пускай румянец щек хорош

И нет стройнее в мире ног, —

Меня красой ты не убьешь:

Свидетель Бог!

Взор ясен; брови так черны!
 Венера — с головы до пят!
 Но чары лишь тлущим страшны,
 Мне — не прозят!
 Пусть кожа нежная гладка,
 И пеня звонок перелив,
 Грудь высока, рука тонка —
 Я буду жив.
 Хоть словно лебедь ты мила —
 Мне нету дела. Я не вру.
 Пусть тонок стан, а грудь бела, —
 Я не умру.

ФРЕНСИС БРЕТТ ЯНГ
 (1884—1954)

***

Нис Jacet Artihutus Rex Quondam Rexque Futurus*

Артура нет... Меч сломан; вечно спят
 Изольда в Кареоле и Тристан...
 А море катит волны на закат —
 Над Лионессой — дальше в океан.
 Пал Данселот... Лучистый шлем — разбит,
 Щиты ржавеют и обломки лат,
 В своих глубинах Авалон таит
 Ваш прах, Гавейн, Гарет и Галахад.
 О, где вы, Тинггел и Камелот?
 Руины ваши скрыл навеки рок.
 Никто костей героев не найдет —
 Истек заклятый Мерлиновых срок.

* Артур на этом месте погребен – король былых и будущих вре-
 мен (*лат.*).

Из давних дней Джиневру не зови,
 Чтоб светлым временем была верна
 И имени — в нем жар и боль любви,
 Трель соловья печальная слышна.

Не вглядывайся в прошлое: дырой,
 Трушбой может Астолгат явиться,
 Поймешь, что фанфароном был герой,
 И то, что дева-лилия — блудница.

Поэты сказку дивную следили,
 Как тот узор, что пауком плетется,
 Все краски для нее — в себе нашли...
 Так что же от легенды остается?

А вот что: пал, как дуб, великий Рим,
 Чьи корни новый век подрыл, жесток,
 Но из ствола возрос, непобедим,
 Чудесный и невнятный росток —

Британский дух. В героев превратить
 Сумел он мужиков-островитин:
 Велел свободу выше жизни чтить,
 Стоять, когда бушует ураган,

И в сердце буря свой направить меч,
 Великих совершить немало дел,
 Врагов на поражение обречь;
 И эти битвы даже враг воспеет,

Создав легенду.. Имя короля —
 Артур? Амброзий? — спрятано глубоко,
 Но и поныне славит вся земля
 Тех рыцарей без страха и упрека.

Кровавых битв утеряны места,
 Где шли они походом небывалым,
 Не ведаем: под знаменем Христа
 Или под драконом Гвента ярко-алым.

Но знаем, что саксонская напасть
Их солнце угасила. Много лет
Над островами — тьмы кровешной власть,
И шепот среди тьмы: «Артура нет...»

ФИЛИП ЛАРКИН
(1922—1985)

СВАДЬБЫ НА ТРОИЦУ

Я вышел поздно Троицыным днем
В восхресный зной
И, опалием солнечным огнем,
Сел в поезд незаполненный дневной.
Казалось, что в жаре исклочена
О спешке даже мысль; но мы неслись
В тылу домов, над блинками — тула,
Где вслед за рыбной вонью ширина
Подвижная речная, где слились
И Линкольншир, и небо, и вода.

Была дремота знойная вокруг;
А мы вперед
Катили — с останковками — на юг.
Вдали — каналы грязные, и скот,
И тени коротки, и как огонь —
Тепличных стекол блеск; на миг один
Трав аромат врывается в вагон,
Но после — вновь резиновая вонь,
Невнятный город, что колыцом машин
Разбитых и гниющих окружен.

Сперва не замечал сквозь яркий день
Я свадеб тех,
Что укрывались на платформах в тени;
Звучал истошный визг и громкий смех —

Но думал я, что так шумит вокзал —
Крик пружчиков, носильщиков, возниц,
И вновь читал, забыв про этот гам.
Мы тронулись — и тут я увидал
Вулгарных, напомаженных девиц
Которые, визжа, махали нам,

Как будто из чего-то, что прошло, —
Вослед тому,
Что будет впереди. И это привлекло
Мое внимание. Вскоре моему
Предстали взору сызнова они
Все сразу — толпы родичей, матрон
Дородных; лица грубые отпов,
Их шрамы и широкие ремни.
Вот перманент, и стразы, и нейлон,
Цветта лимона, блеклых лепестков,

Что отпечатают будущих невест
От остальных.
Да, выйдя из кафе и прочих мест
Банкетных, и эскортюв выездных,
Шли свадьбы к завершению. Вдоль всего
Состава — молодые и родня,
Прощания, советы, конфетти...
Гудок. Пришло к финалу торжество.
Пытались все постичь значенье дня,
А дети — так расшатались почти.

Ужасно горд отца любобого взор
(И как смешон!),
А женщины секретный разговор
Бели — как после славных похорон,
А девушки — те прозревали час
Обетованной боли. Этот взгляд
Безли с собой мы. Выпускная пар,
Вдоль стоек поезд мчал в столицу нас, —
И удлинялись тени у ограды.
А в поезде — десяток новых пар,

Их новой жизни пятьдесят минут...
И я в тоске

Подумал: мимо окон промелькнут
Пейзажи — а они, рука в руке,
Осмотрят их, увидят «Одеон»,
Окрестности — не думая совсем,
Что едут, этот краткий час дели
С другими, чей союз был овящен
Сегодня. Лондон близился меж тем,
Разбитый на кварталы, как поля.

Мы мчались мимо запасных путей,
Замшелых стен
И рельсов перепутанных сетей, —
И приближалось время перемен,
Сопутствия неюлтого финал.
До светопреставления дозрел
Мирок наш на колёсах. Тормоза
Сработали — и я тогда познал
Предчувствие распада: градом стрел
Дождь хлынул. С неба грянула проза.

ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

ФИЛИПП МОРИН ФРЕНО
(1752-1832)

ДИКАЯ ЖИМОЛОСТЬ

Цветок, природы дивный дар!
В тиши таишься, под листвою;
Никем не собран твой нектар,
Никем не тронут стебель твой;
Ты спрятан здесь от жадных рук,
Не впопечет в грязь тебя каблук

Природа эту белизну
Скрыла от дурных очей
И поместила в тишину,
Где шепчет ласково ручей;
Но лета завершится срок,
А с ним — и дни твои, цветок.

Прекрасен, но не вечен ты;
Настанут безответные дни:
Ты, как Эдемские цветы,
Красив — и стинешь, как они.
Увы! Натрянут холода —
И ты исчезнешь без следа.

Тебе и жизнь, и красоту
Вручили росы и рассвет;
Ты был — ничто, и в пустоту
Уйдешь. И в том утрапы нет.
Как будто мид, невелика
Жизнь скоротечная цветка.

ЭДВИН АРЛИНГТОН РОБИНСОН
(1869-1935)

ЛОЖНЫЕ БОГИ

Мы ничтожны и фальшивы; всяк — и ложен и убог,
От соломонной утробы — и до глины наших ног.
Нам, коль хочешь, поклоняйся; награжден ты будешь пылью, —
Но к тебе, возможно, будет суд грядущий очень строг.

Возглашай, что мы — мочучи, что у нас величье есть,
Мы-то знаем: это сказки, вздор, обман, пустая лесть,
Ты обрел простую веру, — но пред нами поклоненья
Очень долго не продлится, это должен ты учесть.

Сомневаясь — и ищешь подтвержденья правоты,
Молишь лик открыть? — Откроем мы тебе свои черты.
Будешь жить ты, вспоминая смертный страх на лицах наших,
Дожны мы — и значит, смертны, и убить нас должен — ты.

Упражняешься в искусстве бесполодном и пустом —
Но узнаешь непременно в скором времени о том,
Что твоя святыня пала и в руины прератилась;
Мы сравним ее с забытым и покинутым скитом.

Ты себя на путь особый, если хочешь, обреки,
Но порядка мирового нарушения — редки;
Песнопенья и строенья, что поешь ты и возводишь,
От Афин весьма близки и от Трои далеки.

Если мы пообещаем то, чего не сможем дать,
Так что сразу возомнишь ты, что почуял благодать, —
То проверь, что без ошибок понял наши обещанья,
И запомни, что векеки дважды два не будет пять.

Ты услышал всё, что дозлжно; поучению — конец.
Вот единственная правда: бог фальшивый — это лжец.
Мы твердили это с болью. Если есть еще сомненья —
Только Истинные Боги нас изгонят из сердец.

ИЗ КАНАДСКОЙ ПОЭЗИИ

РОБЕРТ УИЛЬЯМ СЕРВИС
(1874—1958)

СЫН СВАЩЕННИКА

*Он — священника сын, он в лагуге — один; он беседует
сам с собой,
Когда Арктика льет свет нездешний с высот, освещаая снега
ворожкой,
И мороз — шестидесят, и собаки стуют, в снег зарываешься
голодной зурьбой.*

«Я в Братство Полярное вписан с почти забытых времен.
Я проклял давно край Юкона — но не покинул этих створ.
Я летней порой был иссушен жарой, я мерз, голодал зимой,
Я шел за мечтой долиной речной, за золотом шел с киркой.

В глаза мне взгляни — два раза они от снега слепли почти,
Нет пальцев у ног, и шрамом прожет щеку мне мороз до кости.
Я жизнь проиграл средь северных скал, я этой землей клеймен.
Ни доллара нет, ходячий скелет; что нужно мне? — лишь
самотон.

Добыча — игра в рулетку, и рядом с удачей — провал;
Я явился сюда среди соген других; тот выиграл, я — проиграл.
Мог быть как Лелью? и Кормак — но, Господи, как я слаб! —
Богатство свое растратил на водку, карты и баб.

Мы жили рыбалкой, охотой — давно, много лет назад,
И знать не знали у наших костров, что здесь, под ногами, —
клад.
Еще закутали пушнину, случалось, что я засыпал
Как раз у ручья Вонанза — где после нашли металлы.

Мы жили единой большой семьей, была у каждого — скво,
Жили волно, без страха; про власть и закон не желали знать

ничего.

Но тут к нам донесся такой слухок, что любого с ума сведет;
Я успел на Бонанзу прежде, чем за золотом хлынул сброд.

Были слава и грех, был открытым для всех город Дюссон —

вот времена!

(Хоть творил меня Бог — от макушки до ног, но внутри сидит
сатана.)

Шли безумной толпой — и злодей, и святой; мимо бабы пройди

не могли...

И побольше навряд душ отправилось в ад из других уголков
земли.

Здесь денег было — как праян; ты — богач, а назавтра — гол.

Я на стерву-певичку однажды загал, но паршивку другой увел.

Я ушел в запой; через год, большой, в бараке на койке лежал,
Где постель праян; и судьба ясна: срок, мне оставшийся, — мал.

С киркой и лопатой провел я на Юконе двадцать лет;

Шел по его долинам, встречал закят и расцвет.

С холодом здешиим собачьим и с каждой торой знаком —
Да, здесь двадцать лет провел я... и стал теперь стариком.

Плевать на это! В бутылке есть пара глотков у меня.

Собака запрягу — и к Биллу отправлюсь при свете дня.

А ночь так длинна; валяюсь без сна, и тело горит как в огне;
Я утром отправлюсь... утром... и выпадет красное мне.

...Иди сюда, Кит, дорогая, твой пони уже под седлом...

...Убыо тебя, Минни, паршивка! Не пугайся с этим ослом...

...Ираем! А ну-ка, Билли, ты сколько намыл в ручье?

...Отче, иже еси на небеси, да святится имя Твое...

Так священника сын, лежа в койке, один, разговаривал

сам с собой,

*Но огонь погас, и в рассветный час наступил для него отбой;
И с рыцарем годные ны в тот же день его плоть*

растерзали зурьбой.

ЗОВ ГЛУХОМАНИ

Ты глядел ли на величье — там, где видишь лишь величье,
Водопадов и обрывов высоту;

Привы гор, пожар закята, в вышине полеты птицы
И ревущую каньонов черноту?

Ты по сказочной долине и по торному отрогу
Положил ли к Неизвестному пути?

Ты души настроил струны на молчанье? Так в дороге!

Слушай зов, учись и цену заплаги.

Ты шагал ли через пустошь, пробирался ли устало

Через заросли, кустарники, полынь?

Ты насвистывал рэг-таймы там, где дальше — только скалы,
Познакомился с повадками пустынь?

Ты под небом спал ли звездным, на коне скакал степями,
Ты, под солнцем изнывая, брел вперед?

Ты сумел ли подружиться со столовыми горами?
Ну так слушай — Глухомань тебя зовет.

Ты с Безмолвием знаком ли? То не снег на ветке нежной —
В Типшине той лжив и суетен наш бред!

Ты шагал ли в снегоступах? Наш собак дорогой снежной?
Шел ли в глушь? торил пути? Достиг побед?

Ты шагал ли к чергу в зубы, ты плевал ли на напасти?
Уважал тебя любой индейский род?

Чужл в мыщцах силу зверя, мог ли рвать врата на части?
Так внимай же: Глухомань тебя зовет.

Ты страдал ли, побеждал ли? шел к фортуне, полз за нею?
Средь величья — стал великим, как титан?

Делал дело ради дела? мог ли видеть — дня яснее —
Ты в любом нагую душу сквозь обман?

Ты постичь ли смог, как много есть примет величья Бога,
Как природа гимны Господу поет?

Здесь творят мужчины смело только истинное дело.
Ну так слушай — Глухомань тебя зовет.

И в привычках пеленанье, и в условиях купанье,
И молитвами — кормежка крутой год,
И потом тебя — в витрину, как образчик воспитанья...
Только слышишь? — Духомань тебя зовет.
Мы пойдем в места глухие, испытаеть мы судьбину,
Мы отправимся неведомым путем.
Нам тропу звезда укажет, будет ветер дуть нам в спину,
И зовет нас Духомань: ну так идем!

БАЛЛАДА ПРО СВЯТОШУ ПИТА

«Север пожрал его».

Юконский жаргон

Он сбился с пути: о, как я спасти хотел его — видит Бог!
Рыдал я над ним, над ближним моим, на путьставлял,
как мог:
Он к брани привык — я эгот язык терпел, и проклятья сносил;
Для блага его, его одного, потратил я столько сил!
Я шел тут и там за ним по пятам, терпя лишения и глэд,
Молитвы твоя, надеждой горя, — чтоб к Богу вернулся брат.
Я шел вслед ему в геенну саму, в страну коварных сирен,
В полярный предел — чтоб Браг не сумел забрать его душу
в плен.
Я шел через мрак, его я из драк спасал, от бандитских ножей...
Но гадю концец! Заслал он, подлец, ко мне электрических змей!
Бог ведает: он нарушил закон — а я-то хотел помочь!
Бог ведает: он прогнал меня вон; я помню ту страшную ночь.
Лишь начал я речь про адскую печь — сверкнул он глазами
в ответ
И рванкнул: «Подлец! Заткнись наконец! Будь проклят
поповский бред!»
Я в спор не вступил — но он завопил: «Ваги-ка отсюда, козел!»
Схватил он ружье, и прямо в мое лицо он направил ствол.
Что сделать я мог? Скажи мне, браток! В свой дом я ушел горяч;
Он стал одинок, я стал одинок — и Север был против нас.

Куда ни пойду — он был на виду: меж нами был узкий ручей;
Он рядом со мной ходил как чумной, урюмо и без речей.
Почуяли мыдыханье зимы и Смерти хладную длань:
Замерзла вода, прядут холода, на небе — серая рвань.
Дни шли — и всерьез ударил мороз, и край уже снегом одет;
Снег свеж был и бел — но мнилось, имел он бледный
и трупный цвет.
От звездных лучей узоры ветвей сверкали среди темноты.
О Север — страна хрустального сна, безмолвия и мечты!
Был слух обострен: я шум шестерен слыхал, что вращают свет,
Средь ночи мой взор был столь же остер: я видел ангелов след.
Я часто в тоске, с Писаньем в руке, глядел за ручей сквозь окно
И думал: разлад лишь ралует Ад, и скорпится с ближним прешно!
Но знал я, что он — во тьму погружен и хочет устроить так,
Чтоб — жарче огня — дошла до меня вся злоба его сквозь мрак.
Я ночью и днем на дом за ручьем глядел, ожидая бед;
Знал — время придет, и эгот урод устроит мне страшный вред,
Знал — замысел тот давно в нем живет и жжет его каждый час.
Я Небо просил, мольбу возносил, чтоб Бог от тибели спас.
Что, псих я? Ну да! Так все и всегда безумны — на чей-нибудь
взгляд.
Ты сам-то взгляни на то, как они в ночи многоцветно горят,
Послушай-ка, брат, как в небе шипят они, воплощая порок,
Столкнувшись — шумят, как взрывы гранат, и искр извергают
поток.
Коль шупальца их — шипящих шуптих — ползли бы к постели
твоей —
Ты б гада убил, который впустил к тебе электрических змей!
Я видел средь них гадюк голубых, бесшумно вползавших ко мне,
И тех, что страшней, — зеленых червей, что лезли, пилия,
по стене.
На них я глазел, от ужаса бел, кровь в жилах замедлила бег.
Видал Голубых, Зеленых, иных; но Красные — хуже всех.
Сквозь дверь и окно, любое бревно, сквозь пол, потолок и очал
Ползли они в дом, пылав огнем, и выли, как свора собак.

По дому ползая, шипеньем прозя, других пожирала червей...
Их пасти в огне тынулись ко мне — все ближе к постели моей!

И самый большой был рядом со мной; к стене я прижался, крича:
Плаварь всех червей был много красней, чем красный наряд

палача.

Подполз этот змей к постели моей — а шупальца, как проводки!
И пламя во рту! В холодном поту я с ужасом глянул туда —
Обжег меня жар! Как будто кошмар, тот взгляд немилующий

был, —

Но спас меня Бог! Швырнуть в него смог я Книгу — и он
отступил.

Издal он на миг пронзительный крик — и в панике скрылся
в тень.

Дождalся я дня... Никто до меня не встретил столь радостно
день!

О Боже, я жив! Ружье зарядив, прокрался я через ручей.
Лежал он пластом, меж явью и сном, укрывшись одеждой своей.
И я увидал, что близок финал: на дснах его — чернота,
И ужас в глазах, и кровь на губах, беззабото рта пустота.
Такого лица почти мертвеца вовек мне забыть не дано;
Взгляд — мутный, большой, пронизан тоской, просищий

и жалобный... Но

Припомнил я их, страшилищ ночных, взглянув на жертву цинги;
На лоб ему ствол я тут же навел, чтоб вышибить к черту мозги.
Он был очень плох; он вскрикнул — но вздох был слышен едва

изо рта:

«О Питер, прости! Ружье опустил. Клянусь — я поверил
в Христа!»

***

Поставили в строй. Ведет нас конвой куда-то из этих сторон.
Покою мне нет: — вблизи меня швед все бредит про свой

миллион.

Но, ведает Бог, соврать я не мог; клянусь, что от пули моей
Он спинул — Сам Нут, заславший в приют ко мне

электрических змей!

БАЛЛАДА О БЕНЕ — «РЕЗИНОВОМ САПОГЕ»

*Сидритель с мушкетер взором ко мне за стол подсел;
Простил меня о суде — и в этом преуспел.
Но я стерва его слова о кладе счел за бред;
Я хмыкнул: «Клад? Ступай-ка, брат!» И вот его ответ:*

— Я не ишу и не хочу — скажу наверняка —
Ни медных руд, ни желтых груд проклятого песка.
Чтоб я искал дрянной метал! Нет, ни за что — вовек!
Сынок, поверь, что я теперь ишу один Ковчег.

Да, видит Бог, я мыл песок, знаком с любой рекой.
Что было сил, весь день долбил я мерзлый грунт киркой.
Я был вожак толпы бродяг... Но я однажды смог
Понять тпегу и сугу тех поисков, сынок.

Нашел плато; его никто не видел до сих пор:
Полночный ад, что крепко сжат колымом угрюмых гор.
Индийцы мне о той стране сказали: «Не ходи!
Огонь и страх живут в горах; погиббель вперед!»

Душа была моя смела, мне страх был нипочем,
Я шел в тиши один — в глуши, все дальше, день за днем.
На фоне гор пылал костер, я грелся по ночам;
И я не знал, чего искал: о да, не ведал сам!

Вставал с утра — идти пора... Я думал: право, есть
Величье в том, чтоб сим путем брести... Куда? Бог весть!
Связов страх и тьму — но одному! Идти бы так всегда;
Вот след, он твой — и тут другой не оставил следа!

Я чул жар незримых чар, что вдаль меня влекли.
Был пуст и дик печальный лик загадочной земли;
Долин тоска — что у виска тупой заряд свинца,
И мрачный знак: как серый шлак, цепь пиков без конца.

Был небосклон в ночи пронзен насквозь гвоздем луны,
И как манил полет светил среди голубизны!

Но в тишине пришли ко мне все духи той земли
И встали в круг; меня в испуг их речи привели.

Я слушал их — и я постиг преданья старинны:
Как здешний люд не знал ни руд, ни золота ценны;
К истокам вод, во тьму болот шел мамонт по лесам,
А древний люд, к земле пригнут — за зверем, по следам.

Я полз, я лез среди чудес куда-то, как во сне;
Виденья те и в темноте, и днем являлись мне.
Но свет возник; открылся пик — огонь пылал на нем.
Как царь, велик был этот пик, увенчанный огнем.

Хоть слаб я был — но все же сил хватило у меня;
Хоть я старик — но я достиг вершины и огня!
Я там стоял среди голых скал, где не держался снег,
На всех ветрах, — и в двух шагах он выскочил — Ковчег!

Я понял: тут нашел принюх когда-то старый Ной.
Хоть была дрожь, я вынул нож — знак нацарапать свой:
«Бен Смит здесь был!». Теперь я сил не пожалелю, да!
С горы спустить и притащить Ковчег хочу сюда.

*Его я встретил в баре (прошел, наверно, год)
И крикнул: «Старый жулик! Ковчег спусти с вышины?»
Он ми вино, причем давно, во взгляде был урек:
А вот ответ его — о нем, не для печатных строк.*

ТЕНИ

Смит, величайший писатель, пил: это ему и несло успех:
Пьяный — был полон творческих сил, трезвый — бывал он

глупее всех.

Знал он: от выпивки этот дар — жгучая правда в его словах:

В лица, в сердца эту правду — «Бах!» — он направил, словно удар.

«Что ж! — как-то раз произнес он речь. — Пусть обдерут меня,

как свинью,

Если фамилию я зажечь звездами в небе смогу свою.

Трезвый — теряю всю сущность вмиг, с пьяным — не сладит
и Бог со мной.

Тело испустит последний крик; вечным пребудет мой дух —
спиртной.

Вяжкий всегда умереть готов ради бессмертья своих трудов».

Смигу был Браун другом большим — не было ближе друзей
и нет.

Ежели Смит напивался в дым — Браун его выручал из бед.
А Браун всегда у Смита заем мог получить — был открыт

и каждый из них нуждался в другом... Но вот помирить
собрался Смит.

Окаменевший, словно гранит, Браун сидел, не скрывая слез.
Взгляд утасалоший бросил Смит, львиною гривой качнул волос,
Молвил: «Честней рассказчика нет, нежели я. Никого — о да!
Там, на столе у меня, — пакет; друг мой, подай-ка его сюда.
Вот он, рассказ на все времена, сущность, победа, и ключ,

и след;

Женщина в нем, ее страсть, вина, грех и потибель... Вымысла —

нет!

Я — соблазнитель; в моей груди боль, что страшней звериных

клыков.

Эта жемчужина — погляди! — сотворена из моих грехов.

Это — шедевр! Но когда прочтет мир его — будет мой грех

раскрыт.

Дочь и жена у меня... Так вот: пусть эта книга в огне сгорит!»

Браун ответил: «Учитель мой! Жжет беспощадный жар твоих

слов;

Книги писал ты кровью самой, сбросив с души последний

покров.

Жил я, тебя, как брата, любя; нынче — одна из последних

встреч...

В книгу вложил ты частичку себя — о, разреши же ее сберечь!

Буду хранить я рассказ, пока жив, словно самый святой завет,

Не попадет ни одна строка книги в печать; обещаю — нет!»

Браун на Библии клятву дал: Смит, задыхаясь, сказал в ответ:
«Верю тебе! Последний настал час мой... Молно я храни секрет!»

Смита зарыли — и высь взлетел дивных творений его тираж:
Смита любой прочитать хотел; рос в магазинах объем продаж
И как-то, прознав, что Браун себег рукопись эту — бесценный
клад —

Джонс, издатель, пришел на порог к Брауну — знай, что тот
небогат,

«Дам тысячу». Браун ему в ответ: «Рукопись не продается. Нет!»

Джонса прогнал — другие пришли... Не было их послулам числа!
Все узнавали — вблизи, дали: слава о книге по свету шла,

И это был долгий путь без конца (о нет, не к забвенью сей путь
лежит!);

Брауну Смит был вместо отца — друг и защитник, опора, щит.

Браун бродил, витая в мечтах, беден, печален, косякля, высок,
Вечно с улыбкой кривой на устах; топц, словно волк, и как волк,

одинок.

Браун, любивший шум и гам, Браун, привыкший шутить вездё,
Пел свои песни тут и там, песни торлянил — назло бедё.

Вскоре, долг свой блюдя святой, свел знакомство он с нищетою.

Раз он стоял и думал: «Беда! Дна я, пожалуй, уже достиг!»

Кто же заметил его? Ну да — Джонс толстоброхий, издатель

книг.

Остановился рядом, смеясь; чек протянул: «Ну *менёр* —

продашь?»

Браун на чек поглядел, скривясь: «Тысяча долларов? Прочь,

торгаш!»

Браун на самое дно упал: где б заработать — искал весь день.

Стал оборванцем, в ночижеже стал; был от страданий похож

на тень;

Был он готов о своей бедё с каждым бродягой болтать подчас...

Но — и в отчаяньё, и в нуждё — словно святынно, берёг рассказ.

Как-то сидел голодный, в тоске, грыз карандаш, уставясь

во тьму;

Скрипнула дверь на чердаке — брат его, Дик, явился к нему;

Бледен от страха... Руки дрожат... ужас беднягу сводил с ума...
«Боже! Я деньги похитил, брат! Завтра — погибель, арест,

тюрьма!

Есть еще шанс нашу честь спасти: нужно деньги вернуть назад;
Ровно тысячу надо внести. Рукопись стоит тысячу, брат?»

Браун взглянул, качнул головой (жалость терзала душу ему)

И произнес с улыбкой кривой: «Братец, готовься идти

в тюрьму».

Мрак и нужда — всюду, всегда... Но появилась как-то Она —
Толпам, трясине и тьме чужда; что так нежна была и нужна;

Схожа с тростинкой, тенью в тиши, словно нездешний

печальный дух...

Две одиноких грустных души с неба Любовь осенила вдруг,
Радость вдохнула в тусклые дни, небо наполнила синевой;

Солнце увидели вновь они. Браун писал строфу за строфой.

В них утверждал он, что мир земной только для радости создал

Бог;

Ей посвящал он — лишь ей одной — тысячи искренних,

нежных строк.

Джонсу отнес он стихи: «Ну как?» — «Я поразмыслию», — сказал

толстяк.

Снова воровалась беда — как взрыв: женщину боли свалили

с ног;

Про истощенье и нервный срыв доктор твердил — седовлас

и строг;

«Ей бы в Египет съездить, в Прованс...» — В сердце у Брауна —

липкий страх.

Деньги! Где взять их? Ну хоть бы шанс...

Рукопись! Вот она, жизнь, — в руках!

Рукопись может спасти от бед! Долго сидел он, словно во сне...

После — достал наконец пакет, и рассказал обо всем жене,

Все — и про друга последний час, рукопись эту, про свой обет:

«Что же мне делать? Продать рассказ, чтобы спасти тебя —

или нет?»

Долго лежала молча она, в стену уткнувшись, тиха, как мертвец,
Тени подобна, как лед холодна... И ответила наконец:

«Нет, дорогой мой! Клятва — святая! Я ухожу, тебя не вина...
Знай же, любимый, что рукопись та — повесть про Смита

и про меня.
Вскоре отправлюсь я в мир иной... Я все скрывала — прости,
родной!»

Долго Браун сидел, оглушен — слезы текли по выпалым щекам, —
И прикоснувшись губами он к тонким, прозрачным ее рукам.
Клятву нарушить? Извлечь на свет грех и бесчестье? Но друг!..

Жена!..
Честь ей сберечь? Соблюсти обет? Сколь же ужасна будет пеня!
Он еще миг продолжил молчать... Он колебался... Достал пакет...
Справился с дрожью. Сломал печать. Вытащил кипу листов

на свет.
Но что это? Боже! Были листы — все, до единого — чисты!

(О да! Среди творений лучшие — те, что в сердце от прочих
скрываем мы;
Нет доступа людям к их красоте, их бережем для Небес —
или Тьмы.)

Были, казалось, Браун с женой менее удручены теперь.
Вдруг — слышны шаги за стеной; стук почталыона в ветхую

дверь...
«Письмо заказное — Брауну!» Тот письмо перечитывал —
вновь и вновь:
«Джонс стихи мои издаст! Едем в Египет! Жизнь и любовь...»

ОХОТНИК ДО ЧУЖИХ КНИГ

Я тих и кроток — но убью
Того тулицу,
Кто, книгу одолжив мою,
Загнет страницу.

Но хуже враг, который том
Возьмет для чтенья

И даст другим его потом
Без разрешения.

А самый подлый — это татъ
(Достойный дяд),
Кто мнит, что книги отдавать
Совсем не надо.

О книги! Вы дороже мне
Зеницы ока...
Кто книги тащит — пусть в огне
Горит без срока!

ИЗВИНЕНИЯ РИФМОПЛЕТА

Увы, рифмоплет я — не боле,
Невежда в искусстве — о да...
Но знаю Брег Гартал! Я в школе
Его полюбил навсегда.

Я рог перед Райли разину,
Пред Хэем я шпыцу сниму,
Они мне подходят по чину,
Кто выше — те мне ни к чему.

Скучано я, классики, с вами,
Двяжу на обложки с тоской;
Но родич мой Бернс — пред глазами,
И Киплинг, мой друг, — под рукой.

Им следовать всюду — лишь в этом
Цель жизни моей и мечта...
Но звать рифмоплета поэтом —
Напраслина и клевета!

Рифмач я! — и прежде, и ныне,
Баллад грубоватых певец,

Я в Матушке вижу Русыне
Единственный свой образец.

Но я верю, что скажет могильщик,
Услыхав, как клиента зовут:
«Парень славный, смотрю:
Им написан „Мак-Грю“ —
Вот и будет мне праведный суд.

ИЗ АВСТРАЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ДАМ ЛИНДСЕЙ ГОРДОН
(1833—1870)

ПЕСНЬ ПРИВОЯ

Словно кони — за валом вал, и навязчивый гул в ушах;
В белой пене барьеры скал — там, от берега в двух шагах...
Есть ли в мире мудрец великий, кто бы в песни морские вник?
Самый трубой и самый дикий постигают же люди язык...
С монотонностью ненавистной повторяются в гуле морском
Строфы в записи клинописной — никому их смысл не знаком.
Волна, ты идёшь, нарастая, вздымаясь, камни дробя...
Загадка в тебе какая? Каким целью у тебя?

Растёшь, и твойребень пенный — в седине бесконечных лет;
Падёшь, — и во всей вселенной только слёз твоих радужный
Свет.

Что же в песне? Бахвальство моря, панетгрик силе волны?
Или стон неказанного гора, твоей извечной вины —
За великие злодеянья, беспощадных штормов разгул,
Плач сирот, и невест рыданья, и пущующий в доме стул,
Ураганы и наводнения, и страдания без числа,
За стремление к разрушению, ненасытную жажду зла?

Вот он: истерзан волнами, на влажном песке лежит,
Тем, что было глазами, уставясь в хмурым зенит.
Но когда волна надвигалась, нависая над этим лицом,
Дыхания тело липлаось, наливались ноги свинцом,
То бросало пловца на скалы, то к пучине влегло морской,
Там, где жизни иной начало, там, где рядом вечный покой,
Там, на грани уничтоженья, — был, возможно, сброшен покров,
И открылось пловцу значенье роковых, таинственных строф?

«Спрашивать, смертный, полно! Кто тебе даст ответ?
Вспомни, плувец: мы — волны, у нас своей воли нет.

Вечно царит над нами Тот, кто над всеми царит;
Он влечет волнами, захочет — и нас смирит.
Причины у Господина не спрашивает волна:
И нам не нужна причина, и тебе она не нужна.
Мы продолжим служенье это, покорны будем ярму;
Всегда, до скончаныя света мы будем служить Ему».

ГЕНРИ АРЧИБАЛД ЛОУСОН
(1867—1922)

ЭНДИ ГОНИТ СТАДО

Наш Энди двинулся в поход,
Чтоб с Засухой сразиться;
Наш Энди нынче гонит скот
у Квинслендской границы.

Нам без него успеха нет,
Сердца полны печали;
Давно на ферме смеха нет —
Без Энди заскучали.

Как он — кто будет песни петь,
Когда делшки плохи?
Кто будет весело свистеть,
Когда повсюду — злохи?

Лишь он утихомирить мог
Соседа-богача;
Но Энди Дарлинг пересек,
И стал сосед наглее.

Скрипит под ветром старый дом,
Чинить ворота надо...
Кому чинить? В краю чужом
Наш Энди гонит стадо.

Печален нашей тети взгляд,
В глазах у дяди — горе,
И сапоги всю ночь скучают.
Наш Энди — близ Мак-Квори.

Пусть небо ливень подарит,
Поменьше будет зною;
Буш, где погонщик путь вершит,
Пусть порастет травкою.

Да, пусть в пустыне — тут и там —
Почаще дождь прольется;
А вот вернется лето к нам —
И Энди к нам вернется.

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

ПИРИАН КАМИЛЬ НОРВИД
(1821—1883)

ИЗ ДНЕВНИКА

1. Во мгле безумья женщины бродили,
Съев мандрагору, в первом круге Ада.
В Аду и Данте с Пифагором были,
И мне случилось... Помню — вот досада!

2. Для подтверженья — сочинять ли оды,
Писать ли кнители? Но чего же ради?
Нет сил и мыслей! Еду я на воды!
Кто ж на дорогу говорит об Аде?

3. Мне б лучше мечтаться — с мыслями о деле,
С безумным видом и с горящим глазом,
И чтоб с дороги, как грибы, легели
Века, эпохи и народы — разом!

4. Быть *раньше, после, быть и здесь, и где-то*
Хочу, как выше (ниже) говорится,
И — чтоб не вспомнить нискожженье это,
Круто-воротом вперед не воротиться!

5. «Что ж в этом где-то? — требуешь ответа. —
Ты встретил близких? Видел ли мученья?»
— Там нету близких, там и дальних нету.
В Аду чинится душам *изученье*.

6. Там вместо чувства — голые пружины,
Что счеты сводят лихо и нелепо, —
Подобье старой, брошенной машины,
Что вниз несется наудачу, слепо.

7. Там вместо *целей* — ржавая рутина,
Нет дней, столетий; и эпох не знают.
Но бют куранты ежечасно, чинно —
Как гвозди в стену тупо забивают.

8. Часы не знают точного отсчета:
Пришпоренные некогда судьбою,
Не скажут: «было в это время — то-то»,
И бют неверно — склонны к разнобою.

9. Мгновенья, годы с вечностью в сраженье
Равно ничтожны; кто же их считает?
И в них не время — вечное сомненье,
Они в полоне — но не пролетают.

10. Насмешек ритмы в звоне так заметны!
И ты навеки понимаешь ясно:
Себя достигнуть час стремится — тпестно,
Себя мечтает прозвонить — напрасно!

11. Пружин бесцельных глупое проворство —
Как помесь скуки, горечи и вядора,
Как в трагедийной пьесе — безактерство,
Как звуки песни, алчущие хора.

12. Подобен спазмам от морской хворобы
Эффект от скрипа мерзкого пружины,
И не от скуки тоннота — от злобы,
И этой злобе не найти причины.

13. *Изучен* будешь, взвешен и измерен,
Узнаешь меру само-обладанья,
В цене ты станешь собственной уверен,
Увидишь, *кто ты*, — точно, без гаданья.

14. Носил ты в жизни то, другое имя,
Иль предки были почвой для амбиций, —
Заметь: бездумно ты признал своими
Примеры, стили, множество традиций.

15. Ежеминутно, головне подобный,
Струишь ты искры, и в торенья жуты
Не знаешь правды про пожар заброный:
Освободи он — или *сожжет до гуши?*
16. И что в остатке? Для ветров пожива —
Зола и пепел? Или сохранится
Алмаз под пеплом, вспыхнув горделиво, —
Побед грядущих ранняя зарница?
17. Болтают долго только сумасброды...
А я не буду. И чего же ради?
Нет сил и мыслией! Еду я *на воды!*
Кто ж на дороге говорит об Аде?
18. В седле бы ехать, с неплохим паном,
Что не обучен книгам и культуре,
И чтоб молчал он *медными истуканом,*
И *меднолобы* был бы по натуре!
19. Чтоб путь лежал мой к эрам и просторам,
Дне *временами* — *рубжи пространства,*
В седле поднявшись, чтоб окинуть взором
Провинциальность звездного убрания!

ВОЛЕСЛАВ ЛЕСЬМИН
(1877—1937)

ВСТРЕЧА — ЗАВТРА, ХОТЬ ЧАС И НЕВЕДОМ

Покоился твой дом под ветрами,
Дым не вьется давно над трубойю —
Нет меня там! Я — здесь, не с тобою,
Я — где пусто, темно вечерами!
Ты узнаешь меня и приветлишь
Вопреки всем лишениям и бедам;

Жди, на стену уставясь, — и встретишь:
Встреча — завтра, хоть час и неведом...
Так укрась же прическу цветами,
Возле входа пусть свечка лучится,
За столом, где сидишь с сыновьями,
Пусть и место мое сохранится!
От ладоней твоих на дороге
Тень ложится синеватым следом...
В ожиданье пробудешь немного:
Встреча — завтра, хоть час и неведом.

Как душа моя ищет большая
Испления в буре ревущей!
Я свой голос грядущий не знаю,
Я не знаю свой облик грядущий, —
Но узнаешь меня ты повсюду,
Днем и ночью, зимою и летом,
Пусть иным я, израненным буду...
Встреча — завтра, хоть час и неведом.

ТЕНЬ

Не глядел я на солнце сквозь лен,
Не искал я в дубраве свой сон, —
Но увидел, как встала с земли
Тень моя, что лежала в пыли.

Тень прозрела и стала живой,
Прах стряхнула с себя вековой,
И выглядела в минувшие дни —
С острой саблей и в блеске брони.

Дивный витязь вскочил на коня,
Улыбнулся — и вскачь от меня;
В зелье втаптывал конь на бегу
Солнца утренний свет на лугу!

Тень, мой всадник, куда ты спешишь?
 Может, розам войною прозишь?
 Может, в сказку нездешних сторон?
 Может, звездным блужданьям вадон?

«Что мне звезд над землею полет
 И цветов, что под солнцем растут?
 Возвращаюсь в изведанный край —
 Вспомни лесу дарованный Май!»

Вспомни: рос над долиною дуб,
 Слушал пенье заоблачных труб,
 Там, в долине, вдали от лучей,
 Был я тенью лесною твоей!

Вспомни сонный, таинственный сад:
 У ворот, по ту сторону хат,
 Был я, брошен на землю и тих,
 Блесткой тенью раздумий твоих!..»

Ну так мчись же, лети, моя тень,
 Через розы — в пылающий день,
 Через яблонь белюющих пух —
 В темный бор, где скитался мой дух!

Не глядел я на солнце сквозь лен,
 Не искал я в дубраве свой сон, —
 Но увидел, как в гуще ветвей
 Бог навстречу шел тени моей.

ЗЕЛЕНЫЙ ЧАС

I

Словно маятник, ветка, звеня, качалась,
 Сном задета! То — Часа Зеленого звонья!
 Лес, явись из чащобы! Оковы сняты!

Чья душа в твоих делях опять затерлась?
 Чье лицо вспоминают все речки влюбленно?
 Незнакомо — а были моими черты ...

Мне так странно, что, видя обличье иное,
 Зашептались деревья с ручьями: «О чудо!
 Возвращается облик утраченный к нам!»

Лес незнаемый — с новым лицом — предо мною...
 Но твердил я — и кляту свою не забуду:
 В Час Зеленый я лесу — лесное отдаю!

II

Час настал! На живые холмы наступая
 Муравейников — рву я вугаль паутинь,
 Той, что светится ярче любого огня...

Только звенит в поднебесье, в цветах уютая, —
 Словно скрытая в делях, в глубинах лепнины,
 Плачет дева, цветы за обиду кляня!

Как свой клюв опускает болотная птица —
 Душу звергну в трясину, где жабье дыханье,
 Чтоб познала природы нутро до конца.

Все в душе моей: злато святое пшеницы,
 Яркость ищериц, волки над загнанной ланью,
 Трав болотных прохлада и жар чабреца!

Лес, с душой моей вместе, дыша, зеленей!
 По поляне промчалась тень ворона — рядом,
 Не задев, только брови коснувшись слетка.

Знаю: в миг, когда тихо, и зной пламеней,
 Когда дятел по лесу разносится градом, —
 Дверь в избе распахнула девичья рука!

III

Вы меня возлюбите, лесные побегичи,
 Что из тьмы прорастали к сиянью простора,
 К свету сердца, что бьется в груди у меня!

Вы меня возлюбите, о тени, навеки
 Загаенные в логе и сумерках бора!
 Возлюбите же! — прошу я у старого пня...

Возлюбите и омега, что дуб овивает,
 Там гнездом прорастает — а после умчится,
 В перьях сна золотого по свету летя!

Возлюбите же! — ручью я твержу, что скрывает
 Свет небесный от крысы, когда ей случится
 Пригнать в волны, прибрежной травой шелестя!

Для любви меня ветер доставил, морозен,
 Из безлесной чужбины — к любимому краю,
 Где дано отдохнуть мне и зелень узреть!

Возлюбите! Я страстью великою прозен!
 Я предела не знаю! Желаню, пылаю!
 И весь свет призываю с собою гореть!

IV

Перед тем как в зенице моей отразиться,
 Надо деве пробиться сквозь веток сплетенья,
 Что туманят мне взоры, как будто слеза.

Там лесисто, тенисто: в глазах, как в кринице,
 Отразились — в глубинах бездонных — растения.
 Дуб застонишь, коль прямо мне глянешь в глаза!

Эти очи так долго бродили низиною,
 За живыми цветами, травною мотильною,
 Все красоты земные стараясь обнять;

Ныне — стали лесною и зрячей долиной...
 Будет смерть ли — не знаю — достаточно сильной,
 Душу — ягод дужошко — сумест поднять?

Да, в глазах этих солнце порою светилось;
 Видя солнечный блеск, эти очи, бывало,
 Ощущали, как травы в них буйно растут...

Им глядеть через листья дарована милость,
 Тень от листьев, ты видишь, на руки упала —
 Мне на руки, что кошу твою расплещут.

Что за чудо! Хотя листья мой взор и туманят,
 Смог тебя я заметить — в той хате заречной,
 В час пылающий зной, что лился с небес!

Если близости нашей минута настанет,
 Буду видеть далекой тебя бесконечно —
 Нас разделит сокрытый в очах моих лес!

V

В нашем мире — я тайного мира создатель,
 Ветви скрытого леса шумят надо мною,
 Тело — здесь, но далече мой дух унесен.

Для слезы и для света — я место свиданья!
 Я дремучему лесу приснился весной —
 Сон ветвистый, листовую засыпанный сон!

Лесу снится: иду я, дорожки не зная, —
 Я к бесцельности, скрытой в тиши, направляюсь,
 Там где всё — без названий, дыханья, гранниц.

На руках моих плачет речушка лесная,
 Я ее успокоить, баюкать пытаюсь,
 Чтоб уснула на травке под пенне птиц.

А березы, размяв занемевшие ноги,
Вслед за мною шагают, чтоб легче мне было,
Чтобы был покорооче приснившийся путь:

Знают: может погибнуть речушка в Дороте,
Чтоб жила — ее надо упрятать в могилу,
Чтоб спасти — надо в землю скорее вернуть.

И ее мы хороним — и сразу журчанье!
Речка рвется из леса, струсится полями,
Чтобы пить отраженье зеленой травы.

А березы в тревоте — я слышу ворчанье
Про меня: «Не годится быть чуждому с нами!
Мы вкопать его корни не сможем, увы!»

VI

Под расстрепанной тенью зеленой лещины
Дремлет в тихой постели цветущего луга
Бог, что вышал под утро на землю с росой.

Все цветет рядом с Богом — до края долины.
И хочу разбудить я заснувшего Бога,
И к нему подбегая — по травам — босой.

Говорю: «Просыпайся! Ты — сонная птица,
Мотылек, что, проснувшись пасхальной порою,
Мчит на звездное пламя среди темноты!»

Солнце встало! Пора и тебе пробудиться,
Собери же скорее весильной рукою
Те, что мной дарил я недавно, цветы!

Просыпайся! Расскажут щелы про дорогу
В тот домишко, откуда на мир сквозь завесу
Смотрят смех и надежды мои по ночам!

Так пойдем! Если тьжко — приду на подмогу!
Наши сны покажу я. Пройдемся по лесу:
Птиц увидишь, что мчатся навстречу лучам!»

Я ему улыбнулся как давнему другу,
И над Богом лежащим с заботой склонился,
И дрожащую руку пожал я ему!

Догдался я — взглядам окинув округу, —
Что и Бог мне в долине вот так же молился,
Как в лесу я молился ему одному!

VII

Час Зеленый, звени же! Сивй же яснее,
День, разбуженный шумом! Тут зелено полым
Дух мой сам себя видит, себя узнает!

Дух мой — трав и деревьев лесных зеленей!
Сон несется на вестах по солнечным волнам —
Вылавь мне землю придется промерить и вброд!

Топоры золотые палището зноя
В чашу леса вонзились. Хочу именами
Наделить я деревья — и звать их во сне.

Дивны дивы, что были сокрыты водою,
Стали тенями ныне, и стали шумами,
Им укрытые покинуть пришлое по весне!

Тень прибрежной осоки — на чаше лилеи,
В чаше — отзвуки весел на водной дороге,
В чаше — отблески низко летящих стрекоз.

Точно девушка — та, что идет по аллее, —
Тень прозрачную верба бросает под ноги
Сном рожденному саду, что за ночь подрос.

Возле дуба маячит предвестие тени
Той избы, что когда-то из этого дуба
Будет срублена — в ныне неведомый день...

От меня же — иль это одно из видений? —
Пролетела рядом с тенью грядущего сруба
Тень бескрайняя — Бога тревожащая тень!

VIII

Лес, явьсь из чашобы! Приди из берлоги
Загаенных цветений, лежащих под спудом
Ослепленных жаром зеленых дремот!

О, покинь же внезапно и норы, и логи,
Ту печаль, что осокой явилась над прудом, —
Сновиденья удвоив над зеркалом вод!

Прочь из запахов терпких тимьяна с крапивой,
Их укрытого в тени смешенья густого, —
Там, где грунта сырого безмерная тишь!

Из гнездовий, где щебет и роман счастливей
Превращается в чье-то заветное слово,
То, что кануло в зелень таинственных ниш!

О, пади мне на душу лавиной зеленой!
Пред душой потресенной придет воплощенье
Восхищенья тобою. На встречу — приди!

Появись под лучами — шумящий, бездонный,
И покинь прозным шагом свое заточенье —
С камнем, солнцем нагретым, в зеленой груди!

Приоткрой предо мною опушки забрало,
Дай лицом незнакомым, прекрасным плентиться,
Дне и святость, и чары, что ведомы мне,

Чтоб мое отраженье на миг засняло
В сей волшебной, зеленой, ординой зенице!
Знать хочу я — чем был я для леса во сне?

IX

Лес извлек из подземной и душевной берлоги
Душу — ту, что таилась в тенетах смолистых
Снов о солнце, что в кольца деревьев глядят...

Лес, согретый весной, шатал по дорожке,
Средь озерного шума, средь птиц голосистых,
На меня направляя сияющий взгляд.

Мы назначили встречу — и в день предрепенный,
В день условленный, светлый увиделись снова —
С новой силой, что дарит нам солнечный свет!

Все бессчетные ночи разлуки бессонной
В глубине отражаются ока лесного,
А сквозь них просупаает и мой силуэт.

Но, предвидя, что может слепое отщенье
Нас за встречу постигнуть от бури мотучей,
Мы страшились — две грусти, что изгнаны тьмой:

Я — что снов моих давних придут воплощенья
В темь болотную, жаждой гонимые жгучей;
Лес — что дух в нем навеки поселится мой!

Чтоб сквозь запах растений во всем разобраться,
Мы глядели, глядели вот так друг на друга,
Зеленая одеждой на ярком свету.

Но увидели — тени за нами теснятся;
И легла между нами лощина испуга:
В свет свой каждый вернулся, к себе в темноту.

X

Ныне знаю, что были и рядом, и дале
 Глаз влюбленных оравы, что снова и снова
 Ожидали: отправлюсь я к зорям с земли!

Ныне знаю, зачем эти тени упали,
 Почему — через листья — от света иного
 Свету солнца навстречу на землю легли.

Да, все полнится — вижу — до самого края
 Волшебством отражений! Взгляни через хвою
 В небеса, ну а в реку — взгляни через куст!...

Бог смешался с рассветом, что, златом играя,
 Лег в суробы, — и с тихо шуршащей травой, —
 И со вкусом девичьих негованных уст!

Час Зеленый, звени же! Бесстыдною страстью
 Пусть весь мир пламенует, не зная печали
 Обо мне — хоть я скрылся в печаль, как в тайник!

Направляюсь я к солнцу — и знаю, по счастью,
 Что деревья и птицы меня увидали,
 Им мое отраженье — чистейший родник.

Чтоб присниться и птицам, и травам, и долам,
 Чтоб, как в поле, — средь жизни навек разместиться,
 Расцветая все больше, все дольше живу!

Слава речке, что небо приблизила к селам!
 Слава темному лесу, и лугу, и птице —
 Всем, кто жизнь мою видел, мой сон навву!

ВОРОЖБА

Жажгу выведать тайны грядущих свершений,
 Дни далекие видеть сквозь время мечтаю.

Вот в руках моих карты — листовую осенней;
 От волшебы пожелтели. На них я гадало...

Древний спор разгорелся, как прежде бывало,
 Запылал сквозь дремоту он пламенем новым,
 Стала комната залом блестящим дворцовым,
 Все, что в комнате, — Древним сказанием стало.

Древних призраков в картах сокрыты портреты,
 Там дворов королевских четверка таится,
 Сновиденный четверка невиданных снится —
 Королей я встречаю: вот дамы, валеты!

Чародек исплевших нездешние чыда —
 В бирюзе и топазах, в шелках, позолоте —
 Прею мной разместились, в извечной дремоте,
 На тоску мою смотрят их мертвые взгляды.

Визу в скинестрах отблеск извечного света...
 В дивном танце по залу без устали мчатся
 Дамы, словно толпыаны, — как злато, валеты, —
 Короли, как лилеи, что жаждой томятся!

Вот и музыка — слышу — для них зазвучала,
 Донеслась из какой-то неведомой дали,
 Звuki в танце волшебном имеют начало
 И слышны, если даже уже замолочали.

И поют о воротах они, о порогах,
 Где одно ожиданье лишь может случиться,
 И о странах, где ночью и днем на дорогах
 Танец сам, без танцоров, так весело мчится...

Танец сам, без танцоров, как страсть без причины,
 И поет он, и дитися, — и вдруг исчезает.
 Вместе с ним моя сказка навек пропадает —
 То был сон ниоткуда, из звездной пучины!

Снова комната та же, исполнена теней,
 Где увидел я замо́к, в заклитьях блуждая;
 Вот в руках моих карты — листовое осенней,
 От волшбы пожелтели. На них я таяю...

ГАД

Мириаму

Шла с грудью млечной в зеленый сад —
 Внезапно выполз из кущи гад.
 Давил в объятьях что было сил,
 И ей все тело ласкал, травил.
 Ее учил он вдвоем дремать,
 И гладить змея, и прижимать,
 От неги — долгой, как смертный сон, —
 Шипеть и виться, дрожать, как он.
 Фантазий в страсти я не стыжусь,
 Я с королевским лицом явлюсь.
 Дарую клалды тебе со дна,
 То явно будет — не будет сна!
 Змеиной кожи снимать не смей!
 Других не надо. Мне нужен змей.
 О, глать мне жалом, как прежде, бровь,
 Впивайся в губы, отведай кровь,
 И извивайся, и задевай
 Башкой змеиной о ложа край.
 Прошу, прильни же к моей груди,
 К чему мне клалды? Не уходи!
 В слоне змеиной есть вкус любви —
 Останься гадом, ласкай, трави.

• • •

Мчусь душою к тебе я — над пурпой ошалелой,
 Прямо к свету, что брезжит за буранной куртиной.
 Каменует кручина чья-то статуей белой,
 Белой статуей скорбной — там, над черной долиной.

Старых створок обьятыя тебя некогда скрыли —
 Ты с тех пор в моих мыслях бледно-призрачной стала.
 С того часа так странно и так страшно забыли
 Мы друг друга, как будто нас совсем не бывало.

Так найдем же друг друга средь метелей круженья,
 Над вечерней пучиной сможем снова влюбиться
 Той повторной любовью, что не хочет спасенья,
 Тем последним желаньем, что не знает границы!

Мы полюбим мученьем, кровью нашей потери —
 Но про счастья утрачу пусть никто не узнает,
 Мы полюбим прозреньем: смерть приблизилась к двери —
 Обе смерти, что вместе совершиться желают.

Шум и треск по-над лесом, в ключьях — грива бурана,
 Словно вихри о сучья в темных зарослях рвутся.
 Жизнь из жил вытекает — это давняя рана...
 Не посметь улыбнуться, не успеть улыбнуться.

Мчусь душою к тебе я — над пурпой ошалелой,
 Прямо к свету, что брезжит за буранной куртиной.
 Каменует кручина чья-то статуей белой,
 Белой статуей скорбной — там, над черной долиной.

ЛУГОВИНА

Мириаму

I

Ты увидел: за бором — трава луговая,
 Ты позвал, Луговинной меня называя.
 Имя громко разносилось,
 В ручейке я отразилась
 И живу, с той минуты себя созная.

В гости бабочки росм явились крылатым,
 После — пчелы с кадиллом, и миррой, и элагом,
 Приходила Даль Без Края —
 Зеленъ лута озиряя,
 Похвалы возносила моим ароматам.

Шел ты, травы срывая пахучие вволю,
 Мак средь жита целюя, как светлую долю;
 Ты, на оцупь отличая
 Васильки от иван-чая,
 Брел босыми ногами по влажному полю.

Сон бродячий и травы слились воедино!
 Судяй посох из жерди соседского тына,
 Сядь с цветами над потоком:
 В том потоке неглубоком
 Отражятся и посох, и я — Луговина.

И вливается солнце в канаву лениво,
 Лопухи там искрятся, сияет крапива.
 Возлюби же тварь живуую:
 Пчелку, мышку полеую,
 Перепелку, что с шумом взлетает пуллливо.

Ты шагаешь с Любовью дорогой одною;
 Но прошу: опасайся пальцето зной!
 Воспаденных уст багрянец,
 Обоженных щек руминец
 Охладят мои росы — питье травяное!

Вот и тень твоя — чую — на травы упала,
 Но в глазах твоих места для зелени мало!
 То, что взор твой не охватит, —
 Сердце спрячет, не растратит,
 Чтоб душа еще больше прозрачней познала.

Жар проходит, и солнце садится, багряно,
 Спит кузнечик засохший в бокале топлылана,

И друг друга мы узнаем,
 Одурманенные маем.
 Май стихает под вечер — и меньше дурмана...

II

Нет, любовь не утхнет, коль нету разлуки!
 Мои губы и сердце исполнены муки!
 Мне и счастье и руина —
 Шум твой вечный, Луговина!
 Трав зеленых подай мне душистые руки!

Дай росы мне — под солнцем иссохли ресницы,
 Пусть от птичьего шума мой слух прояснится;
 Запылали жарко щеки
 У меня на солнышке —
 Остуди их прохладой, что в травах таится!

Я без дрожи расстанусь со всем одеяньем,
 Чтоб меня обняла ты, как вербу, дыханьем.
 Ты же скрывается там, за яром,
 И клубишься белым паром,
 Словно сброшенной белой одежды сверканьем.

Вот бы край целовать мне одежды весенней,
 Твоих запахов полной, твоих дуновений!
 Если б только мог мечтать я
 Возле дома это платье
 На березе развесить под звук песнопений!

Тьму изгнал из углов я, подметел свою хатку,
 Место розам давая и их аромату,
 Вмиг покончил с паутиной,
 Все пороги смазал глиной,
 И цветами светлицу украсил богато.

Так мука серебрится, как поле зимою.
 Хлеб я выпеку нынче и руки умою, —

И, готовы встречу нашу,
 Рушниками дом украшу,
 Что, как дуг, зеленеют, — но с красной каймой.
 Буду ждать я свиданья с твоей красотою,
 А услышу твой шепест порою золотого —
 Скину обуть и навстречу
 Сразу выйду и привечу
 Тихой песней, что схожа с молитвовой святою.

Сделай шумные травы гонимами своими —
 И явись в разноцветном венке вслед за ними.
 Твой зеленый взор увижу!
 В дом войдешь ты, сядешь ближе,
 И польется беседа меж нами двоими.

III

Я бы в хате охотно твоей побывала,
 Только травам там места окажется мало.
 Хочешь знаясь с чудесами —
 Побеседуй с небесами!
 Чтоб решение небо тебе указало!
 Я еще не входила в жилище людское,
 Лишь снаружи на окна глядела с тоскою.
 Не зови же дерзновенно:
 Коль войду я — рухнут стены,
 И от горя не будет мне больше покою.
 И у явора встреча случится едва ли —
 Там владения шума, владения дали.
 Что по лугу шум раскатит —
 Даль отыщет и охватит!..
 Вижу: в хате открытой огни засияли.

Трав ночных опьяняют сильней ароматы,
 И от запахов этих почти без ума ты...

Над тобою, надо мною
 Небо общее ночное —
 Иль две разных завесы, темны и покаты?
 Если две их — два полотна неба ночного —
 Мы завесы не бросим близ поля ржаного,
 А поднимем их над лугом,
 Чтоб случилась встреча с другом,
 Чтоб друг друга мы видели снова и снова!

Я — под зеленью скрыта, на дне, под россою,
 Ты — вдали, с края света сияешь красною.
 Спой мне с края света звонко,
 Спой мне песню жаворонка,
 Прозвени с края света блестящей косою.

То любовь твоя вышла с косою за цветами,
 Косит маков пурпурных манящее пламя.
 Мне не страшно, я стокоюна:
 Страсти жаркой я достойна —
 Ветерок мой любезен Тому, кто над нами!
 Если ты меня в хату упрячешь ревниво —
 Ветерок этот станет грустить сиротливо.
 Возле хаты брошу маки —
 Это ветру будут знаки,
 Чтобы путь отыскал он ночному порыву.

IV

Стих твой ветер — он мраком испуган до дрожи!
 Стало небо синёе, а звезды моложе!
 Навью мне снится ныне,
 Что душою я — в калине,
 Весь в цвету я, подобно калине, о Воже!

Нет деревьев, чтоб в страсти тыгались с мною,
 От любви этой небо качнулось ночное!

Я калиной расцветая,
У криницы пробастаю,
И душа моя пахнет травой росною.

Приоденемся оба! Спит лес и долина
И река под горою, и дужа у тына...

Двери в хате мы разбудим —
И об окнах не забудем, —
Чтоб покинули хату и сон, и кручина.

Раньше явится радость, а может, позднее, —
Мы на страже, готовы к свиданию с нею.
Светит месяц в тьму колодца,

Звезд сиянье ярче льется —
Сном далеким, который все ближе, виднее...

Приходи же! Ты знаешь — тебя не унижу,
Если я тебя встречу и к сердцу приближу.

Ты из дали нынче манишь, —
Но, как слезы, близкой станешь,
Те, что льются, коль долго тебя я не вижу.

Не броди одиноко и долго в томленье:
Не найти опоздавшей любви уголенья!

У того, кто в море страсти,
Над волнами негу власти, —
Он жегает погибнуть, не хочет спасенья!

Я к тебе, среди ночи от жара стораю,
Вдоль безумства шагаю, у самого края.

Не оружным и не конным —
Выйду тихим и выбогленным
Из объятий зеленых, как будто из рай!

Хата двери навстречу весне распахнула —
Чтобы в дом ты внезапно, ревниво шагнула!

Дверь закрою я плотнее,
Спеть сумею понежнее,
Чтобы ты понежнее, родная, взглянула!

V

Просим, брат, нам поведать: какое же дело
В хате этой творилось, как только стемнело?

Взор наш видел изумленный
В окнах хаты свет зеленый:
На одежде, на стенах —езде зеленого.

Будем петь мы о дивном, невиданном деле,
А без пенья — сказать бы и слова не смели...

Псы лежали под забором,
Человечьим глядя взором,
Тем же взором деревья и звезды глядели.

В наших взорах сияли небесные знаки,
Различить не могли мы — где люди, где маки.
Все на свете звездным стало,

Ускользало, улетало,
Хороводом кружась, исчезая во мраке.

Что-то с неба, казалось, и пело, и звало,
И волшебная зелень повсюду сияла.

Сны друг друга разбудили,
В дуг из дома поспешили:
Время сниться им в травах и листьях настало.

И окно залился, и дверь заскрипела,
Загудела плотина на речке, запела.

Было странно, было чудно,
Будто людно — но безлюдно,
Словно радость явилась и горе приспело.

И, дремотное слыша веленье ночное,
Взял пред звездами каждый прозванье иное.
Озарилась светом дали —

На коленях мы стояли...
Как же дело такое случилось чудное?

Расскажи, что случилось в лесу или в поле!
 Просим брат: мы подобной не ведали доли...
 Просим травам поклониться —
 Мир чтоб длился без границы,
 Чтобы не было края простору и воле.

Нам поведай — чтоб песней слова зазвучали —
 Про огни, что в ночи в этих окнах сияли.
 То ли это сны явились,
 Что друг другу в поле снились, —
 То ли дивные дивы из озера встали?

VI

Не встречался я с дивом, со сном сокровенным;
 Дуговину увидел я взглядом блаженным!
 Мы сидели с ней в светлице,
 Говорили до денницы:
 Дивяте: травы у двери, а росы — по стенам...
 Без руля был небесный мой путь, без ветрила:
 Мы легли, и вечность, что в небе парила,
 Вышла в ноги поклониться...
 Дуговина-чаровница
 Мою грудь в васильковый лужок превратила!

Шли мы с ней под покровом сосновым, зеленым;
 Пролился он, как туча, дождем благовонным.
 В снах всегда я неземную
 Вижу зелень проливную,
 Дух мой телом — как бором бредет потаенным.
 Этой ночью волшебной я так изменился,
 Что, из раз взирая, Господь изумился:
 Облик данный мне твореньем,
 Прочь отринул я с презреньем,
 И с травой, с цветами обличьем сравнился.

Время голос возвысит, любясь простором,
 Хором глннуть на небо, тревожиться хором!
 Страсть все беды одолеет!
 Кто не верит — заболел,
 Кто противиться будет — останется хворым!

Мир тесней окружите своими рядами,
 Чтобы его не стянули у вас неводами,
 И запойте, заплишите,
 Песней дело довершите;
 В мир вошли сквозь пустыню, а выйдем — садами!

Пусть душа синевом небесной сияет,
 Перед нею синье простор открывает,
 И, в согласье с волей вашей,
 Дом ваш будет полной чашей,
 Ибо час необычайный такой наступает...

Вы сроднились с туманом, травой, сиренью, —
 Так возрадуйтесь солнцу и дня пробуждению!
 Вам — и радость, и веселье,
 Мне — хмельное луга зелье,
 Да еще бы — и слово похвальное пеню.

В НЕБЫЛОЕ ПУТЬ, ПРОЛОЖЕННЫЙ ГРЕЗНО

Раскраснелось на небе — ближе к самому краю,
 Раскраснелось — но напрасно, и себе же вопреки...
 Очертаныя деревья в облаках наблюдаю,
 Но зачем глазам деревья, что настолько далеки?
 Я иду в необыле путь, проложенный грезно.
 В миг любовью мы в даль уходим, лиц нам мало в миг любовью...
 Я ласкать тебя жажду, мне ласкать тебя поздно,
 И не тпущь увидеть что-то, глядя в сумрак за тобой.

Далеки твои губы — и близки несказанно!
 Сердце, хрусткое от горя, ты сломашь, коль сожмешь...

Помнишь сад с его высью, ниже — ключья тумана?
 Был туманом — чуждый кто-то; на меня он сном похож.

И про нас — вспоминаешь? — там листья зашептались,
 Зашумела на деревьях, нас, блестя, смогла понять.
 Но в устах твоих — холод, там таится усталость...
 Так давай же в сад вернемся — дни умершие исцелить!

Там — тропинка, что рядом со знакомой черешней...
 Вспоминаешь ли дорожку — ту, что шла сквозь целый свет?
 Будь же в прежнем наряде и с прическою прежней!
 В сад пойдем. Войдешь ты первой, ну а я — тебе вслед...

МАРСИАНЕ

Расстревожив беглый межзвездный туман,
 Проуремит в облаках корабли издалека.
 Безразличности неба ичезнет обман —
 Ближким дальше станет в мгновенье ока.

Распахнется серебряной дверью луна,
 Мы услышим журчанье в небесном проране,
 А внизу — будет збликов песня слышна;
 И, как ветер, коснутся земли марсиане.

И пошлышится вздох облетеченный земли,
 А затем затанитс земное дыханье.
 Станет ясно: века ожиданья прошли,
 И небесное нас ожидает братанье.

Жаркой верою в Волпо их взоры полны
 А в рудли их — простор, и живой, и бездонный.
 Мы для взгляда их будем похожи на сны,
 И вовеки сей взгляд не изменится сонный...

Привезут нам дремотных зверей и пичу,
 Мотыльков молчаливых, лукавое слово.

И себя мы узнаем; окажется вдруг:
 Так и есть! Не могло приключиться другого!

Лиди в книг чародейских золотые листья,
 Полагая и облако богоподобным,
 Жрец их в прошлом — прядущего ищет черты
 Нить времен этим знаньем скрепяля заробным.

А один из богов их (мечта, золотись!)
 С неба спустится, в наших лесах заплутает,
 Канет в озеро, где отражается высь,
 Станет рыбкой — и влажную вечность впитает.

Звезд родимых их эльфам до ужаса жаль,
 Средь цветов им не спится (о, это мученье!),
 Эльфы призрачным лугом помчатся в печаль,
 Только шлестом трав выдавая движенье.

Марсианки — колдуньи! Их странная статья
 В час вечерний поставит меж нами преграды...
 Надо только любить их и страстно желать —
 И они будут ласке неведомой рады.

Что за страх, что за ярость во взоре видны;
 Драз, под солнцем пылая, в огал превратится!
 Не сравнятся с телами, что неба полны,
 Ни земной паренек, ни земная девица...

Станет гостья бесеная близкою мне,
 Недоступна другим, запылает так сладко.
 О нездешность, что познана в ласках и сне,
 Эти губы и руки твои, о загадка!

За дремоту в объятьях, за кожи атлас
 И за чары, которые будит лобзанье,
 Я отдам с наслаждением — здесь и сейчас —
 Жизнь заробную, вечное существованье!

Вслед за ней прибежит, издавая склеж,
Могле невидимый, чуя подземные мары;
Иль залает — а голосом с кобзюю схож —
Злые сны отгоняя, и судьбы, и чары.

Та, чье имя сокрыто, Дорогой лесной
Проведет меня к чулу — сквозь веток сплетенные.
Дрему сбросив, там прямо из яви одной
В явь другую, и в третью, шагают растения.

Вы, привыкшие в серости будней кружить,
Возгордившись презренным мирком иллюзорным! —
Как вам жизнью, что вас презирает, прожить
В новом, пылушем, солнечном мире просторном?

Вы оттуда, уставясь лицом в синеву
И с воздетыми к новому небу руками,
Побредете меж нами — и вас навзв
Будут вербы хвалебно дарить синяками!

И грехов закоснелых затмится печать,
Синяки поубавят порочной гордыни...
Мы — всем миром — над ними начнем хохотать!
Как я грежу об этом веселии ныне!

ИЛИЯ

*Адаму Шербовавскому
во имя обители веры в победу искусства
над развратившимися кошками обывателя*

Поднимался он, вихрем взнесенный, без страха
В колеснице торящей, все дальше от праха,
И милоть* свою сбросил — он пред расставаньем
Так прощался с землею последним касаньем.

* Милоть (*греч.* овечья кожа) – традиционная одежда ветхозаветных пророков, похожая на бурку (*примеч. пер.*).

Не ступил он ни разу на землю огненне.

Начат путь безмогильный в межзвездной пустыне.
Блеском молний избранник возвышенный Божий
Освещал летюны лихих бездорожий.
По лицу его тучи, как ветки, хлестали,
Злые искры летели в безвестные дали,
Взор туда устремляя, где свет золотится,
Он — взмывая, снижаясь — летел, словно птица.
И колеса жестоко Пространство терзали,
Ну а звезды над долей Пространства рыдали!

Бросил взгляд на Венеру, в ее глухомани —
Те, где птицы листвою шумят на поляне;
Хоть ничтожно от сосен, дубов их отличие —
Над дремотой заметно парение птичье.
От текущей из древа лесной пражкивицы
В топь синошную жизни дыханье сочится,
И окрестные мраки, влохнув ароматы,
Словно враны слетелись, черны и косматы.
Илия отвернулся. Неслась колесница.

Обреченный средь ночи бессонно кружиться,
Мчал Сатурн, задыхаясь, простором гонимый,
Золотой среди мрака — и неуловимый.
И Юпитер пронесся цветистого и чванно,
И Нептун прокатился, как стужок тумана.
Колесница просторы огнем озарила,
Миновала двойные, тройные светила,
И влетела в трясину, где, полуничтожны,
Неготовари во мраке ползут осторожно.

Там себя породило поганое Снитце
И устроило в хвором просторе жилище —
Светом смерти в той хате окно озарилось,
Близкой вечности Снитце туманом касалось,
А ничье — и навеки ненужное — тело
В снах неверных к порогу той хаты летело,

Чтобы от пыли порога пришло утоленье
Жуженья кожи бездомной и к счастью стремленья.

Там бредли страхоброды, ловки, но неживы, —
Их глidelки, пестря, моргали ретиво.
Истерзал их нежизни недуг дяловитый,
Но они все бродили — и бредили свитой...
Там обманками лапши туманность сочилась
В те глубины, где прежде ничто не случилось:
Свет, разорванный в клочья в просторах тернистых,
Размышляли васильково о нивах лучистых.

Тот, кто сделал кручину своею страдою,
Не взглянув, над безлюдной промчался ордою,
Слыша вздохи галактик и с думой о Боге,
Сев на край колесницы в бескрайней дороге,
За бескрайностью тнялся и пылко, и смегло,
Ну а звезды, что тасли за ним то и дело,
И миры, что в порядке безумном кружатся,
Жизнь земнад, что вовсе не хочет кончатся,
И земной канители докучной пучина,
Мир земной и загробный, бессмертье, кончина, —
Все казалось ничтожкым, как малость былая,
Сном казалось, что снится, того не желая.

Мертвый ангел с белмастым путающим оком,
В цепкой туче увязший, парил пред пророком.
Странным тела величье днл зора казалось,
Смерть была в нем ничтожной — и все уменьшалась.
Снежность крыльев клубилась в посмертной печали,
Крылья смерть эту выше и выше выдымали!

«Бог поблизости!» — понял пророк, наблюдая
Яркий Луч, что сквозз тучи пробились, блистая.
Но средь тучи половина таилась свеченья,
И оттуда он Бога услышал реченья:
«Я тебе лишь признаюсь, что горько рыдаю:
Мир стал чуждым! Я в доме, что строил, страдало!

Моему подчиняясь единому знаку,
Юный мир улыбулся окрестному мраку.
Будь иным повеленье, пронзившее дрему —
Так же было бы ныне, иль все по-другому?..»

«Боже! Вот что, — промолвил пророк, — означали
Сновиденья»... Создатель продолжил в печали:
«Только жизнь сотворил я! И жизнь не сдается!
На звезде, на вершине, во мраке колодца,
В пасти льва или змея, и в мире, и в сечах,
В темных норах, на лицах, в слезах человечьих,
Даже в падали, той, что смердит и гноится, —
Шелестит еще что-то, шуршит, шевелится!
Так я слегал. Не будет иных изоощрений!
Сотворил я — и лучших не ждите творений!»

Голос эхом разнесся — и замер далече...
Пали в душу пророка Создателя речи,
Но легел он все дальше и дальше, вызывая:
«Луч, не гасни! Пробейся, стрела огневая,
Через тучи!.. А если утаснешь Ты вскоре,
Крикну: Боже, где брег твой, и где мое море?
Стал — Твоим повеленьем — я ныне как птица,
И в грядущее жажду Твое устремиться!»
Искры сыпались сверху — и, как метеоры,
Гасли... Что-то пытались припомнить просторы,
Но беспамятной тиши година настала.
Было слышно, как время стругится устало...

Бог сказал: «В этом мире останься, со мною!
О, прислушайся! Ветв в пространстве весною!»

Илия, свесив руки во тьму с колесницы,
Стал подобен растенью, что в мраке родится,
И расвет, поднимаясь в небесные дали;
Ну а руки — на листья похожими стали.
Отдышался, пригубил прохладу Веселенной
И Создателя речью смутил откровенной:

«Знай: могло быть иначе! Ты сладил со Тьмою,
 Речи попусту трати! Позволь же — я взмою
 В Тьму Иную, что даже Тебе не подвластна!
 В Одиночку осило ее — иль утасну!
 И судьба мне не будет претрадою боле!
 Дай мне, Боже, дорогу к безбожью и воле!
 Все забвенья достойно, что было когда-то!
 Опустит! И не требуй, не требуй возврата!»
 Луч утас. Это было согласия знаком.
 Ветер, словно листовою, шумел Зодиаком,
 И все дальше сквозь темень лежала дорога —
 Прочь от бывшего Света, ненужного Бога.
 В мрак опасный, наднебный вело восхожденье,
 Где свобода от Бога, где негу творенья.

Вдруг глаза его в страхе застыли, не веря:
 Вот — граница Вселенной, звездный потеря!
 Он не смог ни разгона сдержатъ, ни гордыни...
 Во Вселенной ни разу он не был отныне.

Загрязлась колесница. Как стая слепая,
 Искры сыпались, в мраке судьбу освещая.
 И свершилось... Он понял — всего на мгновенье, —
 Да, свершилось! Но что же? Какое свершенье?
 Тут Затисье сомкнулось и им овладело.
 Знал он: не было Богу до этого дела!
 Страх дрожь откатилась бессильной волною,
 Но затрясся он дрожью какой-то иною.
 Так в каком же он мраке? В каком же полоне?
 Тщился тронуть ладонью — не сдвинуть ладони!
 Поглядеть попытался — но взор помутился,
 И с небесной лазурью пророк распросился.
 В бездорожье с дорогой нельзя оплутаться —
 И домчала в безмирье его колесница.
 В миг последний постиг он: свершилось свиданье
 С бытием небывалым, что вне мирозданья!

ИДУТ СУМЕРКИ

От околицы сумерки — с поля — от пруда —
 Отовсюду крадутся, идут ниоткуда,
 Чем сонливей нездешний их путь неприметный,
 Тем несут они легче свой груз беспросветный.
 Мы с трудом свои судьбы сплели и связали,
 Видя взгляды косые тоски и печали.
 Ты ушла — и вослед светлый день наш сокрылся,
 Но, с земли уходя, он на небе светился...

Бродят в небе остижки его без дороги.
 Низу мрак; день живет лишь в пылающем столе.
 И еще раз живу — хоть и нет тебя боле —
 Днем минувшим, что светится в столе на поле.

ВЛАДИСЛАВ СЕВЬИЛА
 (1902 — 1940)

ДАФНА

Всё равно догонию — как бы ты ни бежала —
 там, где песни потока лесного струятся.
 Обниму тебя — крепко, как богу пристало,
 не успев от потони еще отдышаться.

Не бети и не бойся! Ко мне обернись,
 и испуг, и стыдливость забудь — умоляю!
 Подожди же! Сейчас мои руки коснутся
 твоих плеч...

Я в руках листья лавра сжимаю.

КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНС ГАЛЧИНСКИЙ
(1905—1953)

ПРИВЕТ, МАДОННА!

Тем, кто умеет книги умные писать,
звучит пусть слава громче башенного звона.
Книг не пишу я, и на славу мне плевать, —
привет, мадонна!

Постичь покой блестящих книг мне не дано,
не мне — весна, деревья солнечная корона...
Мне только — ночь, и дождь, и ветер, и вино, —
привет, мадонна!

Двились многие на землю до меня,
придут другие... Смерть — слаба, а жизнь — бездонна.
Все — сон безумца, тот, что снится среди дня, —
Привет, мадонна!

Ты здесь, одета в золотистые цветы,
и я венок тебе одной несу вынобленно,
росой умытая, цветами пахнешь ты,
привет, мадонна!

Прими венок мой! Я — гуляка, но поэт, —
знаком редакторам, бюстостителям закона,
а ты мне — муза, и любовница, и свет, —
привет, мадонна!

НОЧНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
Из цикла *Noctes amihenses*

Я, Константин, сын Константина
(в Испании — маэстро Ильдефонс),
не находясь в рассулке здоровьем,
пишу при свечке завещанье.

Я вижу — мотылек летит на свечку, храбр;
как тень его, дрожит моя рука...
И, значит, маэстру, что сделал канделябр,
июньского оставлю мотылька.

Когда однажды маэстр этот, одиноко,
пройдет по улице, — а день уже угас, —
пусть прилетит на чью-то свечку мотылек;
цветы закроются на клумбах в этот час.
И он увидит мотылька в чужом окне
и остановится. И вспомнит обо мне.

А всем поэтам — и в грядущем, и сейчас —
я завещаю эту кафельную печь,
где мысли стинули, где, в пепел обраться,
исчезли игры, что совсем не сто́ят свеч.
И им же — месяц, что чернильницей служил:
его когда-то я по случаю купил.

И вот тогда, когда придут иные дни,
когда настанет ночь совсем иная,
и над тетрадько будут мучиться они,
как эту ночь запечатлеть, не зная, —
я буду в тучах, в шестесте деревьев,
в листьях тетрадей буду, в скрипке перьев,
поскольку ночью я и начал, и затих,
и партиюру ночи полностью постиг.

А вот седьмое небо оставляю
я дочери своей, чья жизнь — балет,
оставлю ей и херувимов ряд,
и вышний шум, и иллюзорный свет,
природу — как конigliку всех секретов
и как учебник для ее балетов.

Для Теофила — когда вечер настает —
пусть будет улочка для шепота одна;
еще оставлю створку кованых ворот —
на них когда-то был Нептун из чугуна.

потом из города бежавший навсета.
Теперь на небе он — спокойная звезда.

Очарование оставлю, что собрал
я на земле. Для всех людей хороших,
все дни из золота, все дни из серебра,
и даже дятлов. Даже этих мошек,
что близ акации роятся в час заката...
Вдали встает заря, откуда нет возврата.

Блеск феерический — стихам: они сильней
сквозь тьму и злобу пусть осветят даль.
А стройной, смуглой что оставлю я моей?
Печаль.

РОМАНС

Месяц — точь-в-точь багалайка над нами...
Ах! Вот его бы коснуться руками!
Было бы чудно —

вышла б небесная песня, наверно,
песня о людях, выюбленных безмерно
и безрассудно.

Будут в ней дальняя речка, закаты,
тень от ладони, цветов ароматы,
в небе звезда,
сад, и стена, и скамья под стеною,
ну, и дорожка, что манит с собою —
и в никуда.

КОЛЬ РАЗЛЮБИТЬ МЕНЯ...

Коль разлюбить меня потом
тебе когда-то доведется,

ПРОШУ, не говори о том —
как Бог о том не говорит;
насласть задумав мор и глэд,
он с неба ласково смеется,
хоть знает, что цветущий град
в пустыню скоро превратит.

***

Я умру — и зарастет травой
малый холмик над моей могилой,
но в обличье месяца с тобою
встречусь, освещая окна милой,

дом твой краской выкрашу чудесной,
белой, серебристой, небесной.

В серебро одену сумрак ночи,
улицу и даже эти тени,

и прохожий скажет: «Нынче очень
ярко у месяца свеченье,

словно белый день — пора ночная!» —
то, что это я свечусь, — не зная.

АГНЁШКА ОСЕНЬКАЯ
(1936—1997)

Я ПРИДУ В СЕБЯ

Знай:
я выстою все равно.

Рана в небе закрылась почти.
Вытру память, словно окно...

Вот бы только
в себя прийти.

Мне бы миг один или жест —
и забуду я о беде,
и приду я в себя,
приду...

Но куда же?
Где это, где?

Знай:
уйду я так далеко,
что тебе уже не найти, —
зляго грёбня,
рук молоко...
Вот бы только
в себя прийти.

Осень выплает струйки слез,
отраженья застынет в воде —
и приду я в себя,
приду...
Но куда же?
Где это, где?

Знай —
меня ты еще позовешь,
как звала я тебя — учти:
и стоп-кран
запретный
сорвешь,
и воротиться
с полпути.

Мне бы слово одно или жест,
и была беда — ничто,
и приду я к тебе,
приду...
Но к кому же?
Кто это, кто?

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

МИХАЙЛО ОРЕСТ
(1901—1963)

***

Сокрыла берега седая мгла.
За нею жгут дары и наслажденья.
И мы забудем прежние лишения,
Увидев гор родимых купола.

Как в светлый край дорога тяжела!
Вода таит коварные камни,
И путь наш — постоянные боренья,
Опасности и бури без числа.

Кем возвратимся? Подлая судьбина
Сердца нам истоптала. Черных лет
В душе моей — немолчная кручина.

Она раздумий иссушила цвет,
И я боюсь, что край печалить милый
Не суждено мне собственной могилкой.

***

Нет, не сокрылось счастье дня былого:
Во мне живет его прекрасный свет.
Иду туда, где мой остался след, —
В мир радостного гомона лесного.

Блеск ягод земляничных вижу снова,
Косуль полет, боярышника цвет;
Тут — папоротник свой хранит секрет,
Там — слышу звук куклушкиного зова...

Вдруг краски счастья гаснут. В полутьме —
 Квадрат окна. К моим стенам глухи
 Решетка, дверь стальная... Я в торьме.

Я не желаю гибнуть здесь, о духи!
 Я — сын свободы. Разорвите сеть!
 Молно: во тьме не дайте умереть!

***

Я не скажу: любовь моя навеки!
 Я не прошу: останься же со мной!
 Времен постылых сумрачные реки —
 Путь одинокий, мой удел земной.

Путь одинок. Душа глуха, а разум
 Опустошен бескрылою судьбой,
 Лишь слышу — день за днем и раз за разом —
 Безводных волн докучливый прибой.

Серееет рань разлуки. Боль утраты
 Смогу я без терзания снести:
 Стоят потери прежние, как латы,
 Вкруг сердца. Так прощай же и прости!

И знаю я: тебе вовек не снилось,
 Что круг прорвать и нашей жизни ось
 Прямою сделать — ту, что покосилась, —
 Мне звать тебя беззвучно довелось.

И, чтоб пробиться через ледяное
 Враждебных вод таинственное зло,
 Душа, в последний раз цветя весною,
 Тебе, незрячей, отдала весло.

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ

Несокрушимо времени правленье,
 Все поколенья — времени рабы.
 Лишь я отверг свирепые веленья
 И времени не сдался без борьбы.

Я поднял бунт — бесстрашный, безнадежный,
 Указы властелина разорвав,
 И вот — лежу в канаве придорожной,
 Чего-то жду средь запыленных трав.

А время вдалеке идет неумолимо,
 И жажда власти на лице видна —
 Блестит в стеклянном взгляде нестерпимо;
 И постуль еле слышная струна.

Я слышу звон — то, с радостью великой
 Оказывая барину почет,
 Колокола, склоняясь пред владыкой,
 Его шагам ведут покорный счет.

О превосходстве знаю первородном
 Над деспотом — и все же с давних пор
 Под взглядом этим чванливым и холодным
 Я отвожу свой потресканный взор.

Боясь ли мести злобного тирана?
 Нет! — Так чего же я, в расцвете сил
 И с мужеством, явившимся нежданно,
 В сраженьях не достиг, не довершил?

Любимая! Когда б услышал слово
 Твое «люблю» из дальней стороны —
 Упали б одиночества оковы,
 И мне лишенья не были страшны.

Улыбка и златых волос сиянье,
 Очарованье твоего лица —

В них больше правды, чем в любом деянье
Сурового властителя-слепца.

И что любви — разлуки и печали?
Не далеки ей всякие пути,
И чтоб лучи сквозь темень засияли —
О слово колдовское, прилети!

Тогда не стану я терзаться звоном,
Презрев колоколов холопский нрав, —
Я, давший бой безжалостным законам,
Я, скрытый в гуще запыленных трав.

Тогда загадка волновать не станет
Про свет рождений, про магнит кончин.
Есть вечный день, который не обманет;
Сияет смертным только он один.

ГРААЛЬ

Для славы великой Бота
Отчизну покинуть не жаль.
Безмерна моя дорога —
Ищу священный Грааль.

Душа, что была несмеда,
Исполнилась светлых сил
И там благодать узрела,
Где прочим и свет не мил.

Постигнув цветов пранежность,
Травы предвечерний шум,
Лесных озер безмятежность,
Стал мудрым и чутким ум.

Лета попружались в Лету,
Как в лето — летят садов,

Но все предо мною нету
Ведущих ко храму следов.

В надежд и дум вереницу
Вылетает тихо печаль:
Кто скажет, где золотится
Небесный светоч — Грааль?

ЛОЭНГРИН

С высоких башен утренние горны
Трубили, неумолчны и звучны,
И зов их несся звонко и задорно
Во все концы Бранбургской стороны.

Зов несся над землей — и просыпались горы,
И вторили им доли в полусне,
И огненными копытами авроры
Вещало небо о грядущем дне.

День наступил. Ковром благоуханным
Степилось счастье без границы, без конца;
В лазоревом сиянье долгожданном
Тонули вдохновенные сердца.

Любови прекраснейшей невиданному жару
Открылась золотая вышина,
И поднимала с ликоваьем чару
Доверья непорочного она.

Никто не знал, что праздник омрачится,
Утаснет чаш сияющий хрусталь,
Рубин великой радости затмится —
И к палатину явится печаль,

Что горечь, незнакомую донныне,
Изведав, тихий зов услышит он

Своей великой и негаснущей святости;
Ночь должна рассвется как сон —

И он расскажет о безгрешном мире,
Где дивный замок и святой Грааль,
И заскользит в челне по водной шпире
В край безвозвратный, в сказочную даль.

***

Я, сирота обиженный, вступаю,
Леса, под ваш спасительный покров,
Молчу, как в Божьем храме, и внимаю
Ваш долгожданный и прекрасный зов.

Ты, мир людской, коварен и преступен.
Рубитель душ! Здесь власти нет твоей!
Зеленый храм для злобы неприступен —
Растет в дали, запретной для людей.

Но если снова взять меня на муку
Захочешь ты и в этой стороне,
Межу свягую осквернишь, и руку
Протянешь беспощадную ко мне —

Чужесное тогда свершится дело:
Листвой я стану, как броня тверда,
Кора оденет голову и тело,
И дуб сокроет сердце навсегда.

Я человеком более не буду,
Жизнь новую, прекрасную начну,
Делам и чувствам новым, словно чуду,
Израненную душу растахну.

Я снова встречу с милыми друзьями,
Порвавшими оковы бытия,

Навеки распахнутся перед нами
Восторга и сининя края!

Нам шелест крыл, как ласковое слово,
Пошлут лесные духи в тишине,
И повеслут свои беседы снова
Душа с душой в родимой стороне.

О сестры, братья! В прошлом воплощенье
Я так любил вас! Не тужите, нет!
Мне предстоит святое назначение —
Стоять на страже, вас хранить от бед.

А будете тоскою обуяны —
Идите же в зеленые края,
Где знал я рай, — и будьте, как лианы,
И вслушайтесь, как вслушиваясь я.

И тоненькой березы тихий лепет,
И запахи леса на исходе дня,
И в вашем сердце потаенный трепет
Подскажут: отыскали вы меня.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАК ХОРОШО БЫТЬ НЕЖЕНАТЫМ Пародийный перевод «Залога любви» О. Добсона

Мечтает каждый о своем,
Кто одинок, а кто вдвоем;
А я нашел вчера в столе
Бюстгалтер очень древних лет,
Теперь таких в продаже нет...
И что же — я навеселе!

Да-да, ты прав, циничный друг,
Их было множество — подруц,
Неисчислимая толпа...
Девицы не сводили с нас
В те времена прекрасных глаз:
Любовь — она слепа!

Как хорошо быть неженатым,
Как хорошо быть неженатым,
В этом, приятель, в этом приятель, мы заодно.
Надо же быть дегенератом,
Надо же быть дегенератом,
Чтобы жениться, пусть это даже заведено.

Не собираюсь я рыдать,
Причин для слез моих, видать,
Нет в этом старом фетише.
Лишь только вспомнил про Нее,
Про избавление свое —
Такая радость на душе!

Я точно помню всех невест
(Мне вспоминать не надоест):
Бледна... вредна... жирна... мрачна...

Была и эта (потляди —
Вот талисман с ее груди),
И, к счастью, тоже не жена!

Как хорошо быть неженатым,
Как хорошо быть неженатым,
В этом, приятель, в этом приятель, мы заодно.
Надо же быть дегенератом,
Надо же быть дегенератом,
Чтобы жениться, пусть это даже заведено.

Мы снова роемся в пыли,
И мы в столе с тобой нашли
Еще с десяток фетишей.
Но их хозяйкам — вот облом! —
Меня не видеть под венцом,
Как будто собственных ушей.

А впрочем, черт меня деря,
Быть может, года через три,
Иль через восемьдесят лет
Я под давлением мамусь
На ком-то все-таки женюсь;
А может быть, и нет...

Как хорошо быть неженатым,
Как хорошо быть неженатым,
В этом, приятель, в этом приятель, мы заодно.
Надо же быть дегенератом,
Надо же быть дегенератом,
Чтобы жениться, пусть это даже заведено.

КУДА СМОТРЕЛ ТОМЛИНСОН

Начало этой истории уже давнее и не совсем интересное. Александр Чариков был занят в сети поисками некоего переводчика баллады Киплингга «Тамплинсон», а было ему из этого перевода «известно лишь несколько строк»:

...и Тамплинсон взглянул назад, и увидел в ночи
Звезды, замученной в аду, кровавые лучи.

И Тамплинсон взглянул вперед, и увидел сквозь бред
Звезды, замученной в аду, молочно-белый свет...

В мировой сети, как ни странно, этой строфы Киплингга ни в чьем переводе не обнаруживалось. А Чариков писал К. Филагову об этой истории 14 марта 2003 года: «Это было написано в 60-е годы в «Балладе о звездах» Г. Альтова и В. Журавлевой. Откуда наши франтасенты взяли эти строки — неведомо. Я даже было думал, что это их собственное переложение Киплингга — однако сама Журавлева этого вроде бы не подтверждает и считает, что имел место полный перевод «Томлинсона» (кстати, почему «Тамплинсон» — тоже непонятно). В дальнейшем это же четверостишие мелькало у Ю. Петероу и Е. Парнова — я и на Парнова зрелищ, помня его замечательные переводы из «Джамнатады», — но его «Лоджан Кид» хронологически был позже. Вот и хочу у вас спросить — возможно, вам что-то известно об этом «апокрифе»? За его, честно говоря — и, что херактерно, кого ни спросить из сверстников, все помнят именно эти строки, разве что приписывают их разным переводчикам».

В сети обнаруживались переводы А. Оношковичу-Яцины и Г. Фиша (1936), А. Эпштейн (1976), В. Бетакки (не позже 1986 года), Евгения Фельдмана (не позже 2000, Омск), — наконец, перевод неизвестного мне тогда Сергея Шортгина, в «бумажной» печати к тому времени, кажется, еще вовсе не побывавший. Особенно пугало карты то, что до 1970 года никакого опубликованного русского перевода баллады, кроме перевода А. Оношковичу-Яцины и Г. Фиша, как будто не существовало.

Ну, сообщил я Чарикову то, что мне было известно, и получилась вот такая резолюция. Цитирую опять-таки по тексту сети, но уже от 16 марта 2003 года. Двое суток понадобилось для установления истины:

«Итак, можно подвести некий промежуточный итог. Переводы Эпштейна и Бетакки во внимание не принимаем, они к нашему вопросу отношения не имеют.

Теперь Оношковичу-Яцины. Сегодня чаще всего под ее именем публикуется следующее:

И Томлинсон взглянул вверх и увидел в глубокой мгле
Кроваво-красное чрево звезд, терзаемой в диком жерле.
И Томлинсон взглянул к ногам, пылало вниз светло
Терзаемой в диком жерле звезды молочно-белое чело.

Согласитесь, мало похоже на искомые нами строки. Но удасться выявить, что первей ее перевод, сделанный в 1922 году, отличался от нынешнего ныне — главным образом, в мелочах, но заметнее всего в этих четырех строчках. Изначально звучали они так:

И Томлинсон взглянул навверх и увидел в ночи
Замученной в аду звезды кровавые лучи.
И Томлинсон взглянул к ногам и там, как страшный бред,
Бред замученной звезды молочно-белый свет.

Исправления были сделаны в 1935-1936 году: Г. Фишем, и даже порой указывается два переводчика: Оношковичу-Яцины, Г. Фиш (информация Е. Вытковский).

Очевидно, что оп этих строк гораздо ближе до «нашего» образца. Я полагаю — и Е. Вытковский склонен разделить это мнение, — что Альтов исходил именно из этого текста.

Правда, Вытковский полагает, что он мог сознательно изменить «верх-вниз» (так во всех переводах да и в оригинале тоже) на «вперед-назад» — чтобы их появление в повести было более оправдано. <Примечание: в 2005 году я уже не так в этом уверен. — Е. В.>

Я же склоняюсь к тому, что воспринял он их по памяти — отсюда и «Тамплинсон». И, кроме того, проявил он волонтеризм, — что помешало бы ему расспрашивать курский и белый свет в строгом соответствии с эрфуретом Домпфера? Однако он на это не пошел. Опять же, несколькими строками раньше у Киплингга мы видим:

И Томлинсон взглянул вперед, потом взглянул назад —
Был сзади мрак, а вперед — створки небесных врат.

— что как-то может объяснить появление «вперед-назад». Память — коварная штука.

А редакторы могли пропустить по простой причине — ну не раздобыли они Киплингга, и всё тут. И дали послабление. Всё же НФ, а не партияная литература...»

Цензуря, короче, не смотрела туда, куда смотрел Томлинсон, — тут Чариков прав. Точнее, она вообще нигде не смотрела. Именно эту строфу в версии 1936 года можно подписать «Перевод Г. Фиша»: по-какой-то к этому времени ученицу Михаила Лозинского изувечили как хотели. Но к началу XXI века переводчиков набралось уже много, и дело

становилось особенно интересно потому, что с А. Эппелем, В. Бетаки, Е. Фельдманом я был к этому времени знаком лично. Оставалось познаться с неизвестным Шоргиным, чей сайт в интернете отыскался в считанные секунды.

Знакомства в мировой сети налаживаются тоже в секунды. Оказалось, что Сергей Шоргин лишь ненамного моложе меня, зато поэзией — собственными стихами, поэтической драматургией, поэтическим переводом — занялся буквально только что: в сорок семь лет. Переводит с английского и польского. А как не переводить с польского, если родился ты в Кировограде, бывшем Еписветграде, в городе, где бывали Пушкины и Минкевич, где дал свой последний пробный концерт Ференц Лист (в присутствии царя Николая I и никому тогда не известного молодого гарнизонного офицера Афанасия Фета (Шеншина); где родился Генрих Нейгауз, Юрий Олеша, Аминадав Шполянский (он же Дон-Аминадо, один из лучших русских сатириков XX века), наконец — поэт и переводчик Арсений Тарковский. Были, понятно, и не столь почтенные персонажи, но о них можно не вспоминать.

Словом, в городе с такой культурной и литературной традицией хочется не хочется, а культуры прихватишь, украинский и польский языки выучишь, а на должности заместителя директора серьезного научного института еще и английский по должности будешь знать. Вот и определился у запоздалого молодого поэта-переводчика круг переводимых авторов. А при его производимости и «запоздалость» быстро перестала замечаться.

Первое, что оказалось у Шоргина готово к печати, — книга избранных (ибо любимых) стихотворений Константы Ильдефонса Галчинского. Книга готова — а печатать ее, как водится, было негде.

Знать, где кто и что к печати готовит — как раз моя профессия. Андрей Базилиевский в это время готовил к печати огромный, почти полный том Галчинского «Фарландия». Далее дело техники: посылать файл и разъяснить ситуацию, для этого польского знать не надо. Короче, связать два конца бечевки. И роскошная, почти в 900 страниц книга Галчинского «Фарландия, или Путешествия в Темноград» увидела свет весной 2004 года в Москве (совместное издание — «Вахазар» и «Рипол-класик»), и было там свыше 30 переводов Сергея Шоргина — больше, чем у настоящих классиков поэтического перевода XX века Плейнберга или Самойлова, едва ли меньше, чем у Гелескула. В одночасье в русской поэзии появились если пока еще не классик, то зрелый мастер.

...А что же делать с Киплингом? У всякого, кто любит Киплинга, этот вопрос рано или поздно встает ребром. Мы с Сергеем, всё еще знающие лишь виртуально (из виртуальности в «реал» выбрались мы лишь в начале сентября 2003 года, на Международной Книжной Ярмарке, раньше только записками обменивались), оказались перед проблемой

«общего дела». Я свое (то, что хотелось) Киплинга отпереводил, Сергею предстояло либо идти по целине с более-менее сомнительными переплывами (примерно 40% поэтического наследия «Железного Редьярда» не переведено на русский язык по сию пору никак — ни плохо, ни хорошо), либо топтаться по старым дорогам — одной из них я благодарен, это та самая, что свела нас при битье за бедную душу убогого Томлинсона, то ли назид глывшего, то ли вперед, то ли вверх, то ли вниз — а переводов-то еще и побольше, чем направлений — на тот момент, когда мы познакомились с Сергеем Шоргиным.

Одним словом: куда глядеть бедному Томлинсону, если в Киплинге то ли всё уже переведено, то ли... то ли ничего не сделано? К началу 2000-х годов я давно уже облюбовал поэта, которого в литературе давно нарекли «вторым Киплингом», иначе — «Киплингом холодной Кинды». Так традиционно называют уроженца Шотландии, канадского поэта Роберта Уильяма Сервиса (1874—1958), Чарльз Линдберг в свой перелет через Атлантический океан взял лишь одну книгу — книгу Сервиса. Но из-за «Баллады о пробнице Ленина» (ок. 1940) этот побывавший в СССР поэт оказался в наших антологиях под вполне глазным запретом. Хотя как-то трудно поместить под полный запрет поэта, первые сборники которого выходили на гробне «золотой лихорадки» миллионными тиражами, но советской цензуре еще не такое удавалось спра- тать.

Пришло время собирать камни. Обнаружив довоенный еще перевод из Сервиса, выполненный замечательным мастером художественного слова Эриком Гюрининым, я понял: надо брать же теперь и за Сервиса. Он прожил 84 года, написал пятнадцать поэтических сборников, и первые шесть — буквально синтез Киплинга и Джека Лондона. Кто-то должен был взяться за эту работу. И я предложил Сергею Шоргину стать моим «товарищем по несчастью».

Теперь, когда уже вышел в свет сборник «Век перевода» (Антология поэтического перевода XXI века. М.: «Водолей Рубльштет», 2005), читатель познакомился с творчеством Сервиса и по переводам Сергея Шоргина, и по моим, и еще много по чьим. Роберт Сервис даже перешел в СМИ отождествляться со своим убогим омонимом-советологом: дошло до журналистов, что это *разные* люди. А я, прочитав «Зов глухоти-мани» в переводе Шоргина, понял: передо мной уже и вправду мастер. А мастеру нужно настояще дело.

В это время готовилась к печати антология «Семь веков английской поэзии» — по образцу выпущенной в 1999 году двухкилограммовой антологии «Семь веков французской поэзии». Был готов эскиз переплета — «роза Тюдоров», и ничто не предвещало бед: никто не говорил нам, что через полгода книга потеряет издателя. (Сейчас это именно так, но опыт показывает: как потеряла издателя, так и снова найдет.) Но

антология требовала серьезной работы. От прежних веков современному читателю не осталось и десятой доли доброкачественных переводов с английского (по сравнению, скажем, с унаследованными переводами с французского). С времен Ричарда Ролла, младшего современника Данте, предостало как-то собирать в образцах (и не в отрывках!) примерно 400 поэтов... Загустеешь, гляди на такую задачу, загустеешь по-неволе.

А большинство тех, кого надо было перевести «для полноты картины», не переводил никто и никак. Хотя, конечно, наряду с никому в России неизвестными Прагом и Джеблом не преминул Сергей сделать и свою «Охоту на Снарка» Керролла, и книгу Лимериков Эварда Лира, и еще кое-что широко известное. Но «Снарка» Сергей сделал для души, а душа, как известно, иногда торит и своего просит. Понадобился душе Сергея то ли пятнадцатый на русском языке «Снарк», то ли двадцатый, так мне ли это судить, если за мной самым невеждою которые по счету «Пьяный корабль» и еще кое-что (не хочется, дорогой читатель, на себя донос писать)?

Словом, каждый пишет... про то, что его колыхнет.

Одновременно на место иссякшего (ибо изданного, и очень пристойно) Галчинского стал проситься какой-нибудь другой поэт. Из числа не сделанных по-русски в должном качестве и количестве, и по возможности — великий поэт, благо как раз в Польше их немало. Забавно, что поэта оный нашел я, хотя польского никогда не знал, ибо в советские времена видел, как мои друзья пускают все свои золотые годы на чтение «Детёктивов» — благо их на польском в продаже полное — вкес-то того, чтобы делом заниматься. Поэтом оказался Болеслав Лесьмян, и знал я его довольно хорошо потому, что свой творческий путь он начал двумя десятками очень неплохих стихотворений, написанных по-русски, забытые же русские поэты — это все-таки еще одно мое дело жизни. Потом добавился (уже без надежды на отдельное издание) замечательный украинский поэт Михайло Зеров, младший брат Миколаы Зерова — в мировую литературу он вошел под псевдонимом «Михайло Орест».

Но и это не всё. Примерно через полгода после того, как состоялось наше с Сергеем виртуальное знакомство, без единого спонсора, без чьих бы то ни было идей (своих хватало) я с несколькими друзьями — Сергеем Шоргиным, Валерием Вотриним, Ольгой Кольцовой, Александрой Петровой, Владиславом Резвым — обзавелся сайтом «Век Перевода» (www.ukretranslate.com); цель у сайта была одна — познакомить читающего по-русски читателя с лучшими образцами нашей школы поэтического перевода. Понятно, что при сайте возник и форум, а форум обзавелся собственными конкурсами, которые Сергей как-то пошел выигрывать один за другим... Вот тебе и профессор, запоздавший в

литературу... Конечно, результаты этих конкурсов и особенно этих побед — еще одна часть предлагаемой вниманию читателя книги, может быть, и небольшая — но весьма важная. Забегая вперед, скажу, что на сегодняшний день на нашем сайте — более 660 авторских, так называемых «синих» (по цвету фона) страниц. Но кому интересен этот разговор — прошу на сайт.

Пока что с большой радостью, дорогие читатели, представляю Вашему вниманию первую книгу серии «Библиотека "Века Перевода"» — книгу избранных переводов Сергея Шоргина «Ворожба», названную так по одному из стихотворений Болеслава Лесьмяна. XX век, по легендарной формуле П. Ф. Кафе — «XX век — век перевода», наверное, таковым и был. Мы же постараемся сделать так, чтобы век XXI стал веком поэзии, в которой поэтический перевод — это всего лишь один из равноправных жанров.

Этих книг, наверное, будет немало. Тиражи у этих книг, наверное, будут маленькими. Что более чем нормально — остальной «тираж» останется висеть в интернете. Правда, нет ничего более хрупкого, чем проекция на экран — вот была она только что, еще цел след на сетчатке глаза — а провайдер уже отключил всё, что ему хотелось. Это, кстати, мы за прошедшие годы тоже пережили. Ничего. Выложили наши материалы на другом сайте. А число «синих страниц», авторских подборок от Анненского до наших дней, неуклонно подползает к семи сотням.

В этом не малая заслуга поэта и переводчика Сергея Шоргина, на досуге, думаю, иногда занимающегося математикой. С удивлением смотрит на уравнения киллинговский Томлинсон и думает (если вообще способен думать): «Что же я такое натворил?»

Спи спокойно, Томлинсон. У нас работы по горло, и помнить о тебе — недосуг.

Евгений Викторовский

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ	
Джордж Пил (1558?–1597?)	4
Уильям Фаулер (1560–1612)	4
Кэрр Скруп (1649–1680)	5
Джозеф Алдисон (1672–1719)	6
Аллан Рэмси (1686–1758)	7
Ричард Бринсли Шеридан (1751–1816)	9
Роберт Саути (1774–1843)	10
Уинтроп Макфорд Прад (1802–1839)	13
Эдвард Лир (1812–1888)	16
Томас Барбидж (1816–1892)	17
Сидней Добелл (1824–1874)	18
Льюис Карролл (1832–1898)	20
Уильям Моррис (1834–1896)	38
Остин Добсон (1840–1921)	42
Томас Харди (1840–1928)	44
Уильям Космо Монкхаус (1840–1901)	45
Роберт Бьюкенен (1841–1901)	46
Эдмунд Уильям Госс (1849–1928)	52
Роберт Луис Стивенсон (1850–1894)	53
Альфред Хаусмен (1859–1936)	54
Редьярд Киплинг (1865–1936)	57
Падрайк Коллум (1881–1972)	65
Френсис Бретт Янг (1884–1954)	66
Филип Ларкин (1922–1985)	68

ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Филип Морин Френо (1752–1832)	71
Эдвин Арлингтон Робинсон (1869–1835)	72

ИЗ КАНАДСКОЙ ПОЭЗИИ

Роберт Уильям Сервис (1874–1958)	73
--	----

ИЗ АВСТРАЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Адам Линдсей Гордон (1833–1870)	87
Генри Арчибалд Лоусон (1867–1922)	88

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Циприан Камилль Норвид (1821–1883)	90
Болеслав Лесьмян (1877–1937)	92
Владислав Себыла (1902–1940)	121
Константы Ильдефонс Галчинский (1905–1953)	122
Агнешка Осецка (1936–1997)	125

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Михайло Орест (1901–1963)	127
---------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Как хорошо быть неженатым. Пародийный перевод «Залота лобви» О. Добсона	134
Евгений Витковский. Куда смотрел Томлинсон? <i>Вместо послесловия</i>	136

Шоргин Сергей Яковлевич

Ворожба

Избранные поэтические переводы

Литературно-художественное издание

Технический редактор А. Ильина

Корректор В. Резвый

Подписано в печать 15.05.05. Формат 84х108/32

Бумага офсетная. Гарнитура Тарамонд

Печать офсетная. Печ. л. 4,5.

Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б

тел. (095) 676-30-84

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а